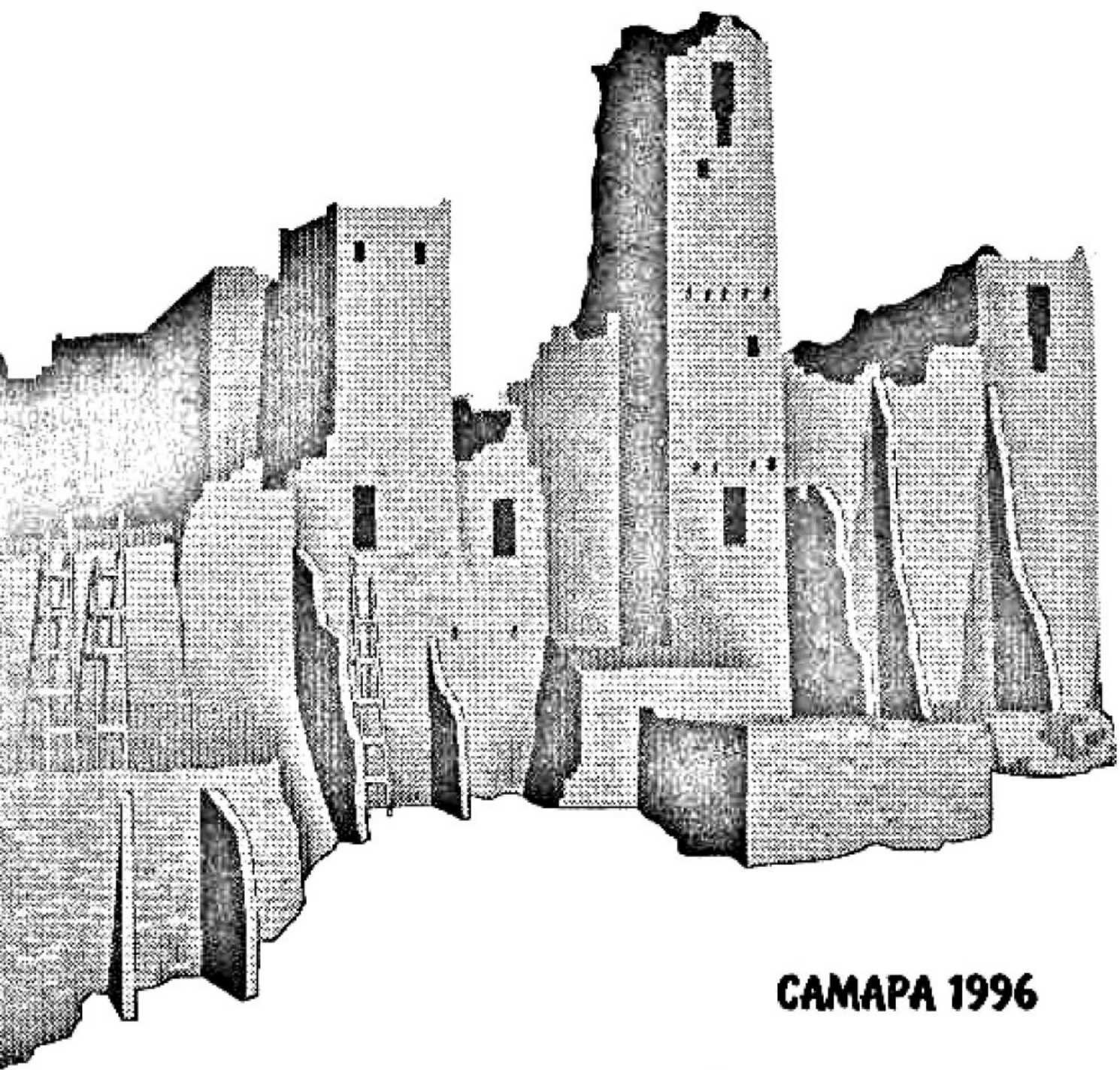

В. М. Массон
ИСТОРИЧЕСКИЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ
В АРХЕОЛОГИИ

САМАРА 1996

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

В. М. МАССОН

**ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В
АРХЕОЛОГИИ**

Издание 2-ое, дополненное

САМАРА 1996

ВВЕДЕНИЕ

Археология принадлежит к числу дисциплин, стремительно увеличивающих свой информационный банк. Замечательные открытия второй половины XX века обнаружили новые, не известные ранее очаги древних культур и цивилизаций. Благодаря развитию средств массовой информации эти открытия стали широко известными, и археологическая наука приобрела большую популярность, как бы уравновешивая элементами поисковой романтики рассудочный стиль эпохи научно-технической революции.

Вместе с тем прогрессирующая цепная реакция новых открытий имела кардинальное значение и для самой археологии. Огромное увеличение материала усложнило задачи его обобщения, систематизации и интерпретации. Возросшие, не без влияния технических и естественных наук требования строгого научного анализа заставили по-иному подойти к вопросу о том, как заставить говорить молчаливые камни археологии. Все это резко повысило требования к методической и методологической вооруженности археологической науки.

Советские, и в первую очередь российские, ученые активно включились в эту деятельность. В нашей стране был проведен ряд совещаний и дискуссий, статьи и даже книги по теоретическим вопросам археологии стали регулярно пополнять печатную продукцию отечественной археологии. Автор этих строк в 1985 г. подготовил для вьетнамских археологов три лекции под общим названием "Вопросы теории советской археологии". В переработанном виде они и явились основой настоящей работы. В значительной мере они базируются на личных разработках автора и обобщают опыт исследовательской деятельности, в первую очередь в сфере социологической и культурологической интерпретации данных археологии. Разумеется, они не носят исчерпывающего характера ни в каком смысле, включая библиографический аспект. Естественно, такое направление предполагало обращение к исходным базовым положениям о природе археологического знания, процедуре обработки информации, содержащейся в археологических памятниках. Издание ориентировано в первую очередь на массовую археологию сегодняшнего дня и, возможно, при такой ориентации в ряде мест изложение получилось несколько прямолинейным и упрощенным. Однако, пытаясь осуществить определенный подход, вытекающий из концепции гуманитарной природы археоло-

тарной природы археологической науки, автор пытался внести вклад в общие усилия археологов, стремящихся превратить свою дисциплину в науку внутренне организованную, с выработанной системой понятий и процедур.

Вместе с тем необходимо отметить, что археологические разработки, в том числе методологического характера, отнюдь не являлись абстрактными рассуждениями "в башне из слоновой кости". Археология вместе с проблемой культурного наследия входит в плоть и кровь нашей действительности, занимает четкие мировоззренческие позиции, является активным участником народнохозяйственной деятельности и политико-воспитательной работы. Острое идеологическое противоборство, в условиях которого протекала подготовка Всемирного археологического конгресса в Саутгэмптоне, и то огромное внимание, которое на самом конгрессе было уделено памятникам прошлого в формировании современного миропонимания, являются тому наилучшим примером [Массон, 1987]. В определенной мере эта тематика нашла отражение и в настоящей работе.

I. ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИИ И ВОПРОСЫ ПРОЦЕДУРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В связи с дифференциацией научных знаний и разработкой строгой процедуры исследования важное значение приобретает вопрос определения предмета и объекта конкретных наук. При некотором различии в предлагаемых формулировках объект археологии достаточно ясен: это сами древности (артефакты), материализованное предметное воплощение различных сторон деятельности человеческих обществ прошлого. Количественный показатель не играет большой роли, это могут быть в равной мере и уникальный золотой сосуд, и коллекции фрагментов керамики, и руины целого поселения со сложной внутренней структурой. Более трудна проблема определения объекта археологической науки. Здесь налицо две различные тенденции. Так, сторонники одного направления склонны считать археологию прикладной дисциплиной и аналитической наукой, изучающей объекты материальной культуры, начиная со стадии их раскопок и открытия, делящей их на категории и исследующей отношения между этими категориями. Информацию исторического характера, содержащуюся в этих объектах, при таком подходе должна изучать (по мнению этих исследователей) особая дисциплина, назы-

ваемая "доисторией". Эта позиция нашла наиболее полное воплощение в книге американского автора И. Рауза, определяющего доистирию как синтетическую дисциплину, занимающуюся на основе археологических материалов с привлечением данных других наук реконструкцией дописьменной эпохи [Rouse, 1972]. С нашей точки зрения, при таком подходе происходит искусственный разрыв различных уровней процедуры исследования объекта археологии [Массон, 1973]. Более обоснованно считать, что реконструктивные разработки историко-культурного или историко-социологического характера полностью относятся к сфере самой археологической науки. Практика показывает, что, несмотря на предлагаемые логические разработки и сложные процедуры, ни в России, ни за рубежом "доистория" так и не отделилась от археологии ни организационно, ни по профессиональному составу исследователей. Мы считаем более правильной противоположную тенденцию, предмет археологии определяем как изучение закономерностей развития объектов культуры (в их предметно-продуктивном проявлении) и различных структур древних обществ (культурных, хозяйственных, социальных, идеологических), нашедших отражение в этих объектах. В принципе такой подход, рассматривающий археологию как одну из гуманитарных, а точнее исторических, дисциплин, после затухших дискуссий о разделении "доистории" и археологии получает все более широкое признание [Galley, 1986].

Такой подход к определению предмета археологической науки присущ именно советской археологии [Рыбаков, 1978]. Она, начиная с ранних этапов, формировалась как принципиально новое направление в мировой археологии, которое последовательно, в теоретических предпосылках и методических разработках, рассматривало археологию как неотъемлемую часть исторических наук, базирующихся на принципах исторического материализма.

Вопросы применения марксистской методологии в археологии были поставлены в конце 20-х годов группой молодых ученых Московского госуниверситета, а с 1929 г. активно разрабатывались в ведущем тогда археологическом учреждении страны — Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде. Ленинградские археологи большое внимание уделяли острой критике буржуазной археологии, постановке вопросов формирования теоретических основ советской археологии с широким привлечением разработок философской науки. Становление это происходило

в условиях бурных дискуссий, взаимных обвинений, не всегда справедливых и обоснованных [Массон, 1980; Генинг, 1982; Пряхин, 1986]. Запал нападок на "буржуазную археологию" порой становился и нарочитым и прямо-таки остервенелым. В условиях идеологически подготавливаемого "большого террора" несправедливые обвинения обрушивались и на коллег по работе, которые в результате теряли не только работу и свободу, но порой и жизнь. Так, в 1931 г. был осужден на 10 лет и направлен на стройку Беломоро-Балтийского канала С.И. Руденко, впоследствии сыскавший мировую известность раскопками Пазырыка. Вслед ему была опубликована в "Известиях ГАИМК" разгромная статья А.Н. Бернштама "Руденко и руденщина в этнографии". В дальнейшем для многих события развивались еще более трагически. Так, 15 марта 1935 г. сотрудник ГАИМК В.А. Латынин был уволен приказом директора ГАИМК Д.В. Кипарисова (назначенного на этот пост после смерти Н.Я. Марра) с формулировкой "как чуждый и антиобщественный элемент", за которой следовал арест. Вскоре, 11 сентября 1936 г. сам Д.В. Кипарисов был освобожден от обязанностей руководителя ГАИМК приказом наркома просвещения А. Бубнова. Все три персонажа попали в мясорубку "большого террора". Бубнов и Кипарисов были расстреляны. Латынин, которому "высшую меру социальной защиты" заменили лагерями, выжил, прошел в пору оттепели реабилитацию, после чего работал в Эрмитаже и успешно защитил докторскую диссертацию.

Принимались и суровые организационные меры, направленные на все большую централизацию научных учреждений. В 1937 г. была расформирована действовавшая в Ленинграде Государственная академия истории материальной культуры, являвшаяся наследницей старейшего археологического учреждения России — Императорской археологической комиссии, созданной в 1859 г. указом Александра II. Эта комиссия в 1919 г. постановлением, подписанным В.И. Лениным, была преобразована в Российскую академию истории материальной культуры, получившую позднее название Государственной. В условиях разгрома академического центра в Ленинграде и насильственного перемещения Академии наук в Москву, ГАИМК был преобразован в Институт истории материальной культуры со специальным отделением в Москве. Усиливающаяся централизация привела к тому, что в 1945 г. Московское отделение стало основным институтом, а Ленинградские сектора были объединены в Ленинградское

отделение Института истории материальной культуры, позднее названного Институтом археологии.

Идеологический прессинг и политические репрессии продолжали действовать и в последующие годы. В гуманитарии их всплеск связан с дискуссией о наследии Н.Я. Марра. Нелицеприятная полемика развертывалась в стиле 30-х годов, был охаян и смещен руководитель Ленинградского отделения А.П. Окладников. Стоял вопрос вообще о ликвидации академического центра археологической науки в Ленинграде, распоряжение о чем было отменено благодаря мужественному вмешательству Е.И. Крупнова. Разнузданная критика в печати набирала темпы. Грубому поношению подвергся А.Н. Бернштам, нападавший в свое время на С.И. Руденко. Теперь самого А.Н. Бернштама стали обвинять в идеализации гуннов и других идеологических грехах. Была сформирована даже специальная книга "Против вульгаризации марксизма в археологии", увидевшая, правда, свет летом 1953 г., когда попытки раскрутить новую волну "большого террора" были сведены на нет переменами в руководстве страны. Практически оказалась нежизненной и система научно-организационного централизма. В пределах всего СССР, да и Российской Федерации, постепенно складывалась новая научная инфраструктура, основанная на полицентризме. Правовое и практическое оформление эта структура получила в период перестройки М.С. Горбачева. В частности, в 1991 г. в Ленинграде был восстановлен Институт истории материальной культуры, долгое время развивавшийся под вывеской Ленинградского отделения соответствующего учреждения, располагавшегося в столичном городе.

Эти исходные теоретические позиции советской археологии конца 20-х — начала 30-х годов в кратком изложении можно свести к трем положениям [Массон, 1969]. Во-первых, археология стала трактоваться как историческая наука, а не раздел естественных наук или искусствоведения. В качестве реакции на чистое вещеведение появился сам термин "история материальной культуры". В связи с этим ставились задачи изучения массового материала, а не только предметов роскоши, исследования функций вещей, а не только их типологических рядов. Вторым отправным положением стал тезис о закономерном поступательном характере исторического процесса. Но это движение не приравнивалось к примитивному эволюционизму, постоянно подчеркивалась его внутренняя сложность с выделением качественно отличных этапов. Признание причинной и закономерной связи куль-

туры с базисом, общественного строя — с производительными силами открывало широкие возможности для реконструктивных построений на материалах археологии. Третье исходное теоретическое положение было связано с признанием производительных сил и производственных отношений движущими силами исторического процесса. Это проявлялось в уделении особого внимания экономике и общественным отношениям, в изучении истории техники, особенно орудий труда, истории хозяйства, в постановке комплексных раскопок поселений как памятников, содержащих информацию о социальных и хозяйственных структурах древних обществ, и могильников как отражения древних общественных систем.

Наряду с этими принципиально важными разработками были допущены перегибы и передержки, особенно заметно сказавшиеся к середине 30-х годов. В это время произошло усиление своего рода социологического абстракционизма в ущерб исследованию конкретных археологических материалов. С изменением этого положения, затронувшего тогда многие гуманитарные дисциплины, теоретические разработки дали в большей мере осуществляться с привлечением конкретных материалов. Для их обработки с 60-х годов стали использоваться статистико-комбинаторные методы, особое внимание уделялось вопросам археологического источниковедения и процедуре исследования. В прошедших дискуссиях об археологических культурах нашло отражение и стремление решить все вопросы средствами формализованных процедур.

Традиционная тематика социологических реконструкций получила дальнейшее развитие в ряде специальных симпозиумов, проведенных в Ленинграде в 70-х годах (Домашние промыслы..., 1970; Древний город..., 1973; Реконструкция..., 1974; Древние города, 1977). В Москве Ю.Н.Захаруком осуществлялись разработки философских аспектов археологии [Захарук, 1981], сложился центр методологических исследований в Киеве [Новые методы..., 1982; Теория и методы..., 1982], работы в области теории разворачиваются в других столицах союзных республик, а также в Екатеринбурге [Викторова, 1975], Новосибирске [Методологические..., 1983]. С конца 70-х годов особое внимание уделяется культурологическим разработкам, им были посвящены специальные симпозиумы, проведенные в Ленинграде, Ереване, Тюмени [Традиции и инновации..., 1981; Культурный прогресс..., 1982; Проблемы культурогенеза..., 1993].

Многообразие научных направлений в методологических

разработках является одним из условий успешного развития научной отрасли. В этом отношении идеологическая ситуация, берущая свое начало в горбачевской перестройке, в целом благоприятно сказалась на состоянии археологической науки в СССР и в сменившем его Содружестве независимых государств. Базовые принципы советской археологической школы, разрабатывавшиеся в конце 20-х — начале 30-х годов, объективно создавали определенную настрой в становлении многих поколений археологов. Эти принципы естественно изменялись и модифицировались с учетом новых этапов методологических разработок, процедур научного исследования и современной философии, включая и творческие разработки марксистской философии, особенно французской школы. Близкие исходные методологические позиции археологических коллективов республик, закономерности в развитии изучаемых культур способствуют сохранению в археологии СНГ некоего научного пространства. Значительную роль при этом играет наличие отработанного комплекса методических приемов полевой археологии как, например, традиции школы ленинградского ученого М.П. Грязнова для степных культур Азии или ташкентской школы М.Е. Массона для оседлых поселений и городов центрально-азиатского района. Вполне естественно ожидать в дальнейшем выявления специфических методологических направлений в археологических центрах новых независимых государств. Для этого очень важно сохранить информированность и о современном уровне мировых научных стандартов, не впадая в провинциализм.

Важным этапом в систематизации археологической информации стало предпринятое по инициативе Б.А. Рыбакова многотомное издание "Археология СССР", выпуск которого, хотя и в замедленном темпе, продолжается. Оно закономерно подводит итоги на определенном научно-организационном уровне (и на определенной дате поступления информации — до 1991 г.) и поэтому, с моей точки зрения, нет необходимости в изменении заглавия всей серии, последовательно построенной по тематико-хронологическому принципу. Более того, сохранение однажды принятого наименования отражает примат научных приоритетов перед сиюминутным политиканством.

Выход археологии на широкие исторические и культурологические обобщения возможен лишь при определенной стадии исследования и интерпретации археологических материалов. Большая работа, проделанная исследователями по анализу самой природы археологического источника и его

информационных возможностей, позволяет говорить о том, что процедура научного исследования в археологии — это сложная многоуровневая система. Единство различных уровней определяется не только восхождением от низшего к высшему, но также и постоянным действием прямых и обратных связей. Специфика археологических объектов заключается в том, что, в отличие от письменных источников, они не создавались специально как средства хранения и передачи информации, а были лишь результатом, условием или спутником некоторых древних процессов и явлений. С позиций исторического познания археологические источники как бы закодированы в форме вещественных объектов. Забвение этой специфики ведет к кризисной ситуации в археологии, когда археологические материалы пытаются привлечь для получения информации, которая в них изначально не содержалась. Это подрывает саму идею результативного использования данных археологии для исторических реконструкций. Например, остатки поселения, как правило, не сохраняют информацию о материнском или отцовском счете родства, хотя содержат много ценных сведений о размерах и характере жизнедеятельности обитавшего здесь в древности человеческого коллектива и его структурных единиц. Всякие попытки решить вопрос о патриархате и матриархате на основании одних раскопок палеолитических стоянок заранее обречены на провал.

В самом общем плане процесс научного познания представляет собой трехчленную цепочку: опыт (эксперимент) — описание — объяснение. При этом налицо тесная внутренняя связь всех этапов научного познания. Описание включает в себе фиксацию результатов опыта с помощью выработанной в данной науке системы обозначения и тем самым выражение результатов опыта в понятиях науки. Таким образом, в описании присутствуют три компонента: данные опыта, система обозначений, понятие науки. Описание как бы переводит информацию, полученную в ходе опыта, на язык науки и представляет собой предварительный этап на пути от эмпирического уровня к теоретическому. Описание осуществляется не само по себе и не само для себя (пресловутое "чистое описание"), а для последующего объяснения. Теоретические моменты вводятся уже на уровне описания при использовании специфического языка данной науки. Без этого описание не представляет собой этапа исследования и вообще не является, строго говоря, научным описанием.

Под объяснением в логике научного исследования понимается раскрытие связей между явлениями действительности (объект объяснения) и другими явлениями, уже известными и объясненными или более общими и фундаментальными. В результате устанавливается место объекта описания в некоей системе взаимосвязей и закономерностей. Объяснение тесно связано с уточнением смысла содержания понятий, и на этом этапе особенно важно иметь отработанную понятийную сетку данной науки. В логике объяснение обычно представляет собой дедукцию (выведение), осуществляемую на основе каких-либо установленных и доказанных положений. В археологии объяснение наблюдаемых явлений или эмпирически устанавливаемых закономерностей обычно выводит на понятия и положения других наук — истории, этнографии и культурологии, подобно тому, как история занимает ряд понятий и категорий у таких теоретических наук, как исторический материализм и политэкономия.

В последнее время в отечественной и особенно в западной археологической литературе широко используется понятие "реконструкция". Это понятие, давно употребляемое в лингвистике, означает в этой науке восстановление гипотетического архетипа. В археологии реконструктивные построения связаны с восстановлением неких событий прошлого, их свойств, отношений и связей. Следует иметь в виду вероятный характер подобных построений, поскольку в общественной жизни, с определенными формопроявлениями которой имеет дело археология, преобладают законы-тенденции. В обиходе археологии ученые часто склонны пользоваться термином "гипотеза", хотя высказываемые ими соображения, строго говоря, с позиций логики научного исследования, носят характер не гипотез, а так называемых произвольных догадок, которые, правда, при определенных обстоятельствах и разработках могут перерасти в гипотезы. Гипотезой обычно называется предположительное объяснение непосредственно наблюдаемых форм связи явлений (описательные гипотезы) или причин, объясняющих эти явления (объяснительные гипотезы). Гипотеза в отличие от произвольной догадки должна отвечать целому ряду требований. Так, она должна стремиться объяснять весь круг явлений, для анализа которых она выдвигается, по возможности не противореча ранее установленным фактам и научным положениям. Важными особенностями гипотезы являются её принципиальная проверяемость, приложимость к возможно более широкому кругу явлений и максимальная простота.

Весьма существенен для проверки выдвинутых положений принцип верификации, когда данное положение проверяется на материалах, не вошедших в основание гипотезы. Например, при установлении факта появления на юге Средней Азии в позднем энеолите коллективных усыпальниц было высказано предположение о связи этого явления с усилением роли в обществе большесемейной общины, гробницами которой можно считать эти коллективные захоронения. Это предположение, было выдвинуто на основании изучения одного только погребального обряда. Вместе с тем раскопки жилых строений показали, что именно в позднем энеолите формируется тип крупных домов с несколькими планировочными ячейками, рассчитанными на малые семьи, но с общей кухней, хозяйственным двором и хранилищами. Наилучшим объяснением этого типа строений было заключение, что перед нами место обитания большесемейной общины, ведущей общее хозяйство, которая именно в период позднего энеолита приобретает особенно важное значение. Так данные могильников и поселений взаимно дополняются и проверяются.

На стадии объяснения в археологии в последние годы все чаще используется системный подход. Сама возможность применения его в археологии на уровне объяснения связана с тем, что многие исследуемые объекты и явления восходят к древним структурам и явлениям, имевшим системный характер. Вместе с тем нельзя забывать, что в археологии, как и во многих других областях гуманитарного знания, системный подход является в первую очередь орудием определенной организации материала, направленной на постановку и решение проблем, связанных с выявлением закономерностей функционирования и развития объекта.

Особенно существенны для археологии такие составные системного подхода, как понятия целостности и иерархичности. При этом целостность объекта означает принципиальную несводимость его свойств к простой сумме свойств составляющих его элементов. Иерархичность подразумевает, что каждый компонент, составляющий систему, может рассматриваться как своего рода подсистема, тогда как система является лишь компонентом более высокой структуры — макро-системы. Это хорошо иллюстрируется на примере изучения поселений, особенности которых отнюдь не сводятся к сумме свойств, присущих составляющим его жилым строениям. Само поселение в свою очередь входит через пространственные связи в более крупную структуру — в группу посе-

лений, или оазис. Использование иерархически упорядоченной терминологии на основе системного подхода, безусловно, является определенным шагом в совершенстве археологических исследований, но оно отнюдь не означает автоматически наличия системного анализа, обеспечиваемого целым рядом формализованных математических процедур. Как не без основания отметил Ж.К. Гарден, "формулирование систем и моделей в археологии — это зачастую не более чем риторическое переложение уже встречавшихся ранее интерпретационных высказываний, только в формах, менее системных" [Гарден, 1983. С. 166].

Все эти методы и подходы должны быть разумно использованы на разных уровнях процедуры исследования археологических объектов. Таких вариантов процедур предлагалось довольно много, нередко они носят чрезмерно усложненный характер, вступающий в явное противоречие с реально имеющимся материалом. При однолинейном построении уровней процедур предлагалось их значительное число вплоть до семи, и теоретически это количество может быть неограниченно увеличено. Важным аспектом является введение системы прямых и обратных связей между уровнями, что было особенно подчеркнуто английским археологом Д. Кларком. Его книга "Аналитическая археология" [Clatke, 1968] явилась весьма примечательной попыткой уточнения археологической методологии, хотя на предложенных в ней исторических реконструктивных построениях отрицательно — сказалась узость, свойственная структурному подходу. В целом нет сомнений в том, что процедура должна носить циклический и вместе с тем динамический характер при тесной взаимосвязи и взаимодействии различных циклов или ступеней исследования (Рис. 1).

Необходимо дифференцировать различные виды объяснений данных археологии, требующих каждый особого подхода и соответственно методических приемов обработки и анализа материалов. Это в самом общем изложении — археологическая интерпретация, социологическая интерпретация и культурологическая интерпретация. В зависимости от направленности объяснительной стратегии строится и вся совокупность соответствующих процедур. Рассмотрим последовательно разные виды этих объяснений.

Археологическая интерпретация, как важное научно — исследовательское направление, полностью находится в рамках археологической науки. Она связана в первую очередь с выяснением положения нового объекта (или группы объек —

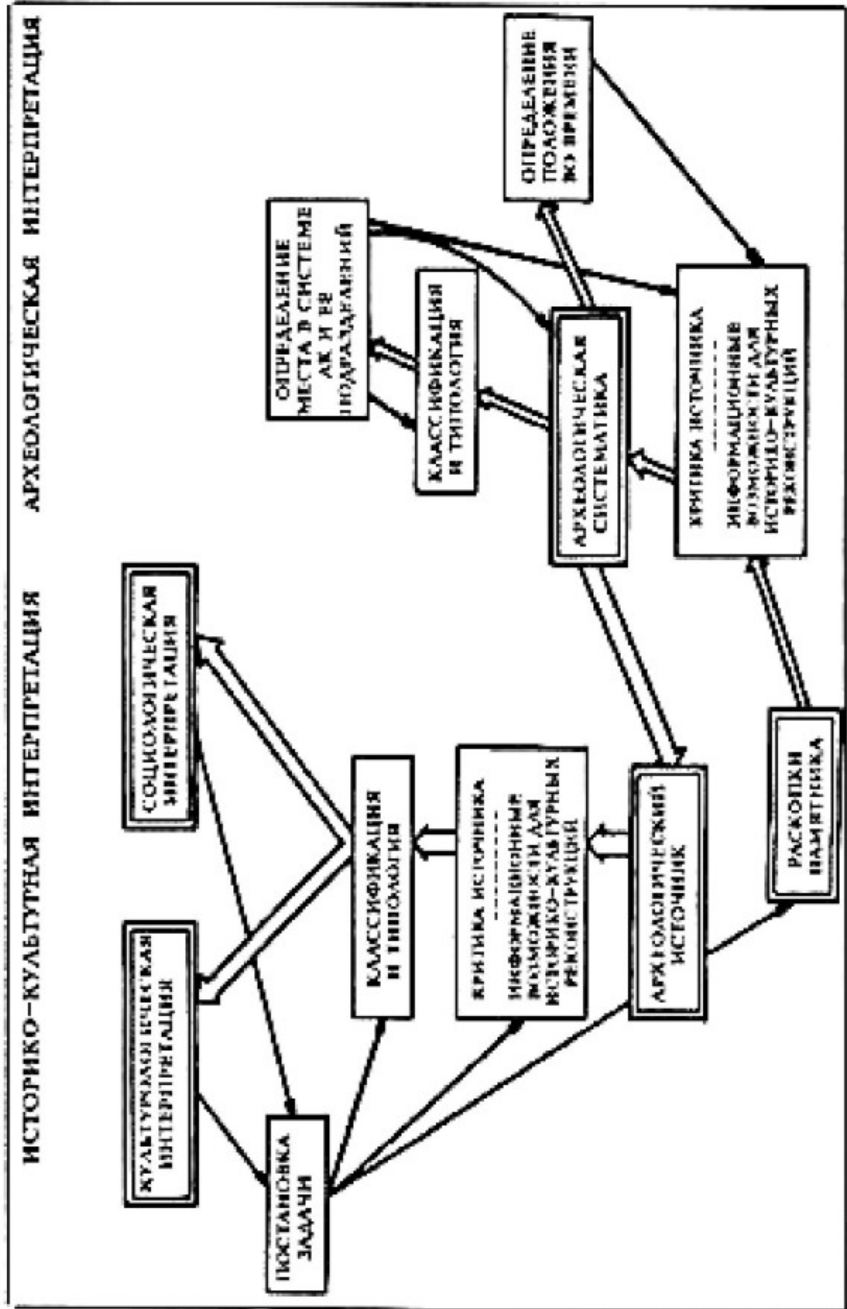

Рис. 1. Процедура исследования археологических материалов

тов), выявленного на уровне эксперимента (раскопок, разведок) в ряду уже известных археологических комплексов. В целом это большой раздел археологической систематики, организующей массовый материал в блоки для последующего анализа. Основные задачи здесь две. Это прежде всего выяснение положения открытых объектов во времени в ряду ранее известных комплексов и культур. Определение положения во времени осуществляется при помощи ряда методик и процедур.

Археологические материалы позволяют создавать в первую очередь системы относительной хронологии, в которых выход на абсолютные датировки осуществляется либо путем привязки к уже датированным комплексам и культурным колонкам, либо через использование внеархеологических методов датирования. К числу собственно археологических методов изучения хронологии относятся стратиграфия и типология с таким её направлением, как сериация. Археологическая стратиграфия содержит объективные данные о последовательности археологических комплексов. Отдельные слои соответствуют определенным отрезкам времени и при последовательном расположении являются, надежной опорой относительной хронологии. Особым вопросом является проблема темпов нарастания слоя, что, в числе прочих факторов, зависит от уровня строительной техники в соответствующих обществах древности. В восточной археологии, в тех случаях, когда представлена сырцовая архитектура, понятие "строительный горизонт" используется как операционная единица при подразделении культурных напластований. Предлагаются различные оценки времени существования сырцовых строений — от 25 до 75 лет. В британской археологии для выделения своего рода микрослоев используется понятие "контекст", связанное не со строительными остатками, а лишь с микростратиграфическими наблюдениями. По этой методике в 1992—1993 гг. международной экспедицией производились раскопки строений VI—VII вв. на городище Экр-кала по комплексной программе "Древний Мерв". Были применены флотация и компьютерный учет абсолютно всех факторов. Для корреляции стратиграфических колонок между собой и сопоставления с факторами, обеспечивающими абсолютное датирование (монеты, образцы для радио-углеродного анализа и т.п.), весьма важен содержательный анализ происхождения данного слоя или прослоек. Это позволяет на уровне критики источника оценивать время выпадения вещи в музейную культуру и обстоятельств этого выпадения. В среднеазиатской археоло-

гии эти вопросы хорошо разработаны Пенджикентской экспедицией.

Изменчивость культуры на уровне стереотипов прямым образом отражается в изменении типов артефактов. Определение направленности изменчивости обеспечивается целым рядом формализованных процедур. Генерализация общей культурной тенденции позволяет подходить к вопросу об определении относительных дат на основании анализа подвижки типов артефактов. На этом основан метод сериации, направленный на установление изменений артефактов в целых сериях. Теоретической основой применения этого метода к хронологическим разработкам является положение о том, что общие закономерности культурогенеза ведут к повторяемости соотношений величин различных типов артефактов в одно-временных или близких по времени комплексах. При стилистической сериации могут выявляться как временные, так и локальные особенности. Частотная сериация с её графическими методами более ориентирована на археологическую хронологию. Особенно чувствительной к изменениям оказывается керамика, орнаментация которой следует общей направленности меняющейся моды и эстетическим установкам.

Следует отметить, что на всех этапах анализа археологической хронологии необходимо возвращаться к системе прямых и обратных связей, проводить содержательный разбор на уровне критики источника. Так, при частотной сериации важно определение источника и места формирования того или иного типа артефактов и наборов, развивающих соответствующие традиции. Метод аналогии в применении к археологической хронологии также основан на постулате об общих культурных закономерностях. При его использовании необходимо учитывать возможность реальных связей и контактов носителей сопоставляемых комплексов или культур. Аналогии, основанные на самых общих закономерностях, таких, как, например, геометрические микролиты, без учета реальной исторической ситуации могут иметь лишь самое общее эпохальное значение. В этом отношении весьма важно выделение импортных вещей, подражаний им и артефактов, имеющих диагностическое значение для хронологии. При переходе на уровень установления абсолютной хронологии весьма существенен вопрос о темпах распространения как самих объектов, так и популярных стереотипов. Эти темпы совершенно отличны для пеших охотников тайги, скотоводов с колесницами и ранних кочевников с верховым конем.

Аналогичным образом решается и вторая задача — поло-

жение исследуемых объектов в системе ранее известных комплексов. Здесь ведущая роль также принадлежит типологическому методу (на нем мы подробно остановимся ниже). При типологии и классификации в данном случае особое значение имеют морфологические признаки. Подчеркнем, что в соответствии с иными целями и задачами группировка и характеристика материала уже на уровне описания может быть существенно иной, чем при решении вопросов хронологии. Постановка задачи исследования может играть важную роль уже на стадии раскопок (опыт), поскольку главной целью при разработке этого блока хронологической интерпретации является получение представительной выборки. В равной мере присутствует уровень оценки информационных возможностей источников в зависимости от поставленной задачи, которой является выяснение связей с уже известными археологическими культурами и их подразделениями. Подобная источниковедческая обработка материалов представляет собой важнейшую составную часть исследования в археологии, охватывая все три этапа процедуры — опыт, описание и объяснение. В свою очередь эта археологическая интерпретация образует обязательный представительный этап для последующей социологической и культурологической интерпретации. Только материалы, прошедшие обработку на уровне хронологии и археологической систематики, могут быть полноценно использованы в последующем анализе в этих видах объяснения. Существуют и более сложные системы источниковедческой обработки данных археологии [Клейн, 1978; Классификация в археологии..., 1990].

Таким образом, исходной базой социологических и культурологических объяснений является археологический источник, уже прошедший этап археологической интерпретации. Это обязательное предварительное условие всех операций. Двумя важнейшими элементами логической процедуры для этих видов интерпретации является постановка задачи и внутренняя критика источника, определяющая объем и характер содержащейся в источнике информации. Формулировка задач существенно воздействует и на раскопки памятника. Так, при постановке вопросов изучения общественных структур совершенно необходимы раскопки на поселении группы жилищ, одновременно существующих в течение определенного отрезка времени, а могильника — целиком или его существенной части. Классификация и типология и здесь составляют надежный инструмент археологического анализа, но принципы набора признаков и выделения типов

могут быть существенно иными, чем при выяснении места объекта в ряду других археологических комплексов. В зависимости от постановки задач социологической интерпретации (изучение общественных структур древних обществ или функционировавших некогда хозяйственных систем) типология и классификация могут строиться на различных основаниях, когда особое значение придается совершенно определенным наборам признаков (функциям орудий, размерам жилищ и т.п.). Как справедливо отмечает Ж.К. Гарден, уже в самом характере построения типологии заложена потенциальная необходимость в объяснении [Гарден, 1983. С. 151]. Учет специфики исследовательской процедуры в зависимости от поставленной задачи и оценка информативности имеющегося материала составляют основное условие при всех видах объяснения.

Для археологии характерно широкое использование методов естественных и технических наук. Это определяется прежде всего тем обстоятельством, что объектом науки являются материальные предметы, анализ химических, физических и иных свойств которых позволяет получить дополнительную информацию. В первую очередь это данные о технологии и способах их изготовления, а также об источниках и частично о способах получения сырья. В перспективе археология в научно-организационном и кадровом отношении, несомненно, будет развиваться не только как гуманитарная, но и как технологическая область знания со специальными методами и лабораториями. Со второй половины XX в. эта тенденция проявляется особенно отчетливо [Колчин, 1970]. Использование методов естественных наук в археологии начнется уже на уровне опыта или эксперимента, когда в ходе раскопок не только выявляются группы артефактов, но и изучаются связи между ними, а также с окружающей средой (слоем).

Все более увеличивается число методов, позволяющих получать дополнительную информацию при изучении культурного слоя, в котором помимо наличия материальных предметов древних культур нашли также различное отражение древние способы жизнедеятельности обитавшего здесь коллектива, а также и признаки, позволяющие восстановить древнюю среду обитания. Весьма перспективно использование методов технических наук на уровне описания артефактов как материальных объектов (физические, химические, петрографические и другие анализы). Было предложено остатки неантропогенного характера, обнаруженные в культур-

ном слое, именовать, в отличие от артефактов, экофактами. Применение методов естественных наук и получаемых таким образом данных на реконструктивном уровне особенно важно при изучении древних производств и хозяйственных систем.

В археологии наряду с использованием разработок технических наук были выработаны и собственные специфические методы для изучения объекта исследования. К числу таких методов принадлежит трассологический анализ, созданный советским исследователем С.А. Семеновым, получивший широкое распространение и признание [Семенов, 1957]. Он основан на изучении под большим увеличением следов микроизноса на древних орудиях труда, а также на объектах, подвергавшихся воздействию этих орудий. Создаваемые экспериментальным путем орудия для соответствующей производственной деятельности (обработка кож, дерева, уборка урожая и т.п.) исследуются под микроскопом, и возникающие следы износа сопоставляются с картиной, наблюдаемой на древних орудиях. Подобная верификация позволяет с большой точностью установить назначение орудий труда, функции которых до внедрения этой методики определялись предположительно на основании этнографических, иконографических и других моделей [Коробкова, 1973].

С вопросом об экофактах связан один из аспектов совершенствования методики полевых исследований или изыска-ний на стадии опыта и эксперимента в археологии. Совершенствование такой методики является неизменным требованием развития археологии, и новая экономическая и политическая ситуация в России и в СНГ в целом создает в этом отношении целый ряд дополнительных стимулов. Внедрение рыночных отношений повсеместно ведет к отказу от затратного планирования, обеспечивавшего многие десятилетия исключительный размах полевых археологических работ в СССР. Обратной стороной такого планирования, ориентированного в первую очередь на экспедиционные исследования, стала концентрация необработанного должным образом материала, сведения о котором ни в коей мере не покрывались представляемыми отчетами, информативная значимость которых порой была весьма ограничена. В результате вложенные в экспедиции средства не давали реального выхода, помимо снятия сливок в виде публикаций эффектных находок. В новых условиях есть все основания обратиться к более тщательным приемам исследования и фиксации, коль скоро удастся получить средства на экспедиционные работы. При этом следует учитывать еще один, во многом парадоксаль-

ный, аспект археологической науки. Археологи, в отличие, скажем, от историков, работающих с письменными документами и публикациями, уничтожают объект исследования, который включает артефакты и некие связи между ними, сложившиеся в процессе выпадения вещей в достающуюся археологам, так называемую музейную культуру. Если артефакты еще сохраняются в музеях, то связи между ними уничтожаются навсегда, что делает особенно важным совершенствование приемов их фиксации и документации. В значительной мере это касается и экофактов, из числа которых археологи обычно обращают внимание на остеологический материал. Этому способствует и крайне редкое использование приемов промывки культурного слоя путем флотации.

Огромные возможности расширения информационной базы при применении флотации и изучения экофактов показали работы российско-туркменистанско-британской экспедиции на поселении Джейтун (Новые исследования ..., 1992). Тщательная флотация позволила обнаружить огромное количество органических остатков и их отпечатков. Анализ мякины под микроскопом показал, что после сбора урожая осуществлялись проветривание и обмолот зерна. Изучение отпечатков соломы, примешивавшейся к строительной глине, подтвердило заключение, сделанное на основании экспериментально-трассологического изучения серпов, что осуществлялась двойная жатва. Первоначально жались колоски, и поэтому приколосковая часть стебля среди исследованных отпечатков отсутствует. Затем уже срезалась сама солома. Хотя древние обитатели Джейтуна возделывали пшеницу и ячмень, к строительной глине примешивалась только солома пшеницы, тогда как питательная ячменная солома, скорее всего, шла на корм скоту. Эксперименты на достаточно крупных собаках, охранявших стада Джейтунцев, показывают, что собаки питались ребрами и костями конечностей мелкого рогатого скота. Иногда им доставались и лисьи тушки, видимо, после снятия шкуры. Ни крыс, ни мышей собаки не ели, хотя в пустынных окрестностях поселка они водились в изобилии. Устойчивое питание, предоставляемое псам их хозяевами, исключало необходимость такой дополнительной подкормки. В целом изучение экофактов, наряду с традиционными методами археологии, включающее анализ орудий труда, позволило предложить обоснованную реконструкцию палеоэкологической ситуации и палеоэкономической системы этих древнейших земледельцев, которые на основании анализа в оксфордской

лаборатории материалов, полученных при флотации, теперь надежно датируются VII тыс. до н.э.

Происходит дифференциация направлений в археологической науке и в связи со спецификой расположения самих изучаемых объектов. Таковы подводные археологические исследования, приобретшие особую популярность после изобретения акваланга, впервые использованного для этой цели в Туркмении в 1960 г. В этом случае изучаемые объекты оказались под водой или в силу природных факторов, прежде всего изменения уровня водной поверхности, или в силу специфических факторов, определявших деятельность человека в соответствующей среде (свайные постройки, портовые сооружения, затонувшие корабли и отдельные объекты). Наиболее значительные результаты были получены при работах морской археологии [Изучение памятников..., 1993]. Это понятие часто склонны рассматривать как синоним подводной археологии. Между тем такое отождествление вряд ли правомерно. Подводная археология связана с условиями расположения изучаемых объектов, представляя собой одно из направлений экспедиционных исследований, характеризуется в первую очередь спецификой именно экспедиционных методов. Морская археология связана с изучением деятельности общества в морских регионах. Она опирается на материалы, получаемые подводной археологией, но не ограничивается ими, привлекая другие виды источников, не обязательно полученных при подводных погружениях. Предметом разработок морской археологии является не только описание и систематизация, но также интерпретация полученного материала. При этом изучаются морские порты и прибрежные сооружения, сами остатки кораблей, объекты морской торговли, находящиеся в разных условиях, как в низменных, так и подводных. Особенно существенно комплексное изучение портовых городов и факторий.

Важным видом объяснения в археологии являются исторические реконструкции, направленные на восстановление древних процессов и даже отдельных событий. Настоятельная необходимость подобного рода разработок диктуется уже тем обстоятельством, что изучение конкретной древней истории дописьменной эпохи возможно только на основании данных археологии. Этнография, изучающая общества архаического состояния, позволяет восстанавливать некоторые тенденции общественного развития, но в конкретноисторическом плане может характеризовать лишь народы и племена не ранее XVI—XVIII вв.

В связи с археологической систематикой необходимо оставаться еще на одном вопросе. Общество аборигенов Австралии и создателей пещерной живописи верхне-палеолитической Европы, при технологической близости некоторых приемов обработки каменных орудий, — это принципиально разные явления. В Австралии мы имеем дело с крайне замедленным развитием в условиях географической изоляции, тогда как кроманьонцы Европы были первопроходцами культурного и интеллектуального прогресса, открывавшего перед всем человечеством колоссальные перспективы.

В какой-то мере состояние общества Австралии и Тасмании до европейского периода напоминает то, что в современной биологии обозначают как стасигнез, когда наблюдается длительное сохранение вида без прогрессивно направленного развития или дивергенции. Именно в таком виде сохранились в животном мире представители многих предковых групп.

Даже с появлением первых письменных источников роль в археологии и археологических данных остается весьма значительной, учитывая как фрагментарность и выборочность дошедших до нас древних письменных памятников, так и одностороннюю ориентацию по их содержанию. Уровень развития производительных сил и прежде всего основных производителей, характер хозяйственной деятельности да и многие другие стороны жизнедеятельности древних обществ могут быть изучены только по материалам археологии и с помощью археолога.

Важное место в понятийном аппарате археологии занимает понятие археологической культуры. Неудивительно, что археологической культуре и всему кругу связанных с ней вопросов посвящена достаточно обширная литература (Каме-нецкий, 1970). Это понятие практически является базовым при организации археологического материала.

Культура является фундаментальным понятием археологической науки на уровне археологической интерпретации, когда происходит систематизация и организация полученных материалов. Поэтому определение археологической культуры должно исходить в первую очередь и прежде всего из материалов археологии. С этих позиций под археологической культурой следует понимать реально существующую устойчивую совокупность связанных между собой объектов материальной культуры, определенным образом ограниченную во времени и пространстве. Выяснение сущностных причин появления и сохранения этой реально существующей общности

лежит уже за пределами данного блока исследования и связано с вопросами культурологической и исторической интерпретации. На этом уровне культура как археологическое понятие будет истолковываться с привлечением термина "культура", используемого уже как категория иного плана и содержания. Поэтому едва ли допустимо введение термина "этнос" в само определение археологической культуры, хотя именно этнические различия во многих случаях и будут причиной существования культурных различий, улавливаемых археологией в устойчивом наборе типов вещей.

В целом этническая нагрузка устойчивых компонентов весьма различна [Бромлей, 1973, 1983]. Обычно выделяются три подсистемы культуры, связанные с этническими проявлениями: обыденное сознание, обиходный язык и традиционно-бытовая культура. Наиболее чутким диагностическим реагентом является именно язык. Совершенно ясно, что археологические материалы в связи с проблемами этнической атрибуции могут использоваться преимущественно в той мере, когда отраженная в них традиционно-бытовая культура (с её такими характерными чертами, как массовость, индивидуальность, устойчивость) может быть истолкована именно как проявление этнических признаков и свойств.

На источниковедческом уровне исследования археологи могут говорить в первую очередь лишь о культурной общности, которую отнюдь не следует подменять понятием "этно-культурная общность". Выделенные на основе археологического анализа культуры могут иметь разное историческое содержание и соответствовать и целым цивилизациям (Хараппа), и крупным историко-этнографическим общностям (Андрон. Кельтеминар), и небольшим племенным группам.

В таксономической системе при археологическом исследовании культура представляет собой понятие, следующее за типом и признаком. Признак, тип и культура образуют систему археологических понятий вертикальной иерархии. Подобно тому как тип представляет собой устойчивое сочетание признаков, устойчивое сочетание типов дает археологическую культуру. Определению и содержательному анализу этих основных понятий археологии посвящена обширная литература, где подчас высказываются противоречивые, а порой и взаимоисключающие суждения. Среди советских авторов наиболее последовательные взгляды развиваются В.С. Бочкаревым [1975].

Исходным и базовым в предлагаемой им системе понятий является артефакт, под которым подразумеваются материаль-

ные объекты, изготовленные или модифицированные человеком и выполняющие определенную культурную функцию. Они могут быть представлены и единично, и в комплексах, — которые нередко образуют собой функциональное целое, как, например, клады или комплексы, происходящие из поселений. Артефакты обладают свойствами как природными (выявляемыми физико-химическими и другими анализами), так и привнесенными человеком. Как подчеркивает В.С. Бочкарев, триада (свойство — артефакт — комплекс) представляет собой археологическую реальность, своего рода эмпирический базис археологии. С этой триадой сопоставляются и такие понятия археологической науки, как признак, тип и культура, и иерархические подразделения последней. Во всяком случае, нет никаких сомнений в том, что за этими понятиями стоит реальная объективная действительность.

Выделение археологических культур представляет собой сложную процедуру ряда последовательных операций, в основе которых лежит прежде всего выделение археологических типов различных категорий — от орудий труда и оружия до типов погребального обряда и поселений в той мере, в какой они фиксируются по данным археологии. Одной из важнейших стадий подобных операций является определение признаков, позволяющих сгруппировать артефакты в археологические типы. Под признаком понимается любое свойство предмета или явления, которое может быть выделено или записано. Теоретически число признаков бесконечно. Учитывая жесткую взаимосвязь описания и объяснения, подбор признаков как решающего звена, влияющего на типологию, необходимо осуществлять с учетом целей и задач объяснительного уровня. При задачах, входящих в социологический блок и связанных, например, с изучением древних хозяйственных систем, большое значение будут иметь технологические или функциональные признаки, при изучении процессов культурогенеза — морфологические. Значение последних для археологии вообще исключительно велико.

Изменчивость, вариабельность артефактов и их свойств, поиски различий и сходств составляют фактически основное содержание процедурных операций в археологии, стремящихся уловить порядок этих изменений, их регулярность и повторяемость. При выделении типов как устойчивого сочетания признаков, особенно важно найти естественные границы последних, для чего выработан и успешно применяется целый ряд формализованных процедур. Так, широко распространена корреляция, направленная на установление грани-

цы одного признака с помощью другого и нахождение устойчивой группировки признаков, выявляющей археологический тип [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975].

Признаки могут иметь разное значение, быть более или менее существенными, и в связи с этим, если материалы позволяют, вводится их оценка или определение веса признаков. Сложности, с которыми в конечном итоге столкнулась дескриптивная археология, частично были связаны со стремлением учесть все признаки, тогда как их число практически неисчислимо, а бескрайние наборы создают громоздкие системы, работа с которыми оказывается весьма затруднительной. Поэтому, как указывает в своей последней книге Ж.К. Гарден, ранее активный поборник дескриптивно-го максимализма, можно работать с ограниченным списком свойств или признаков, если они должным образом организованы [Гарден, 1983].

Сходные приемы формализованных процедур способствуют созданию надежных классификационных систем археологического материала. Эти системы, как правило, имеют иерархический характер с соподчиненным положением категорий, отделов, типов, подтипов, вариантов и других подразделений. Большинство археологических классификаций носит морфологический характер. Здесь, пожалуй, наибольших успехов достигла соответствующая обработка каменных орудий, начатая в широких масштабах с использованием формализованных приемов Ф.Бордом [Bordes, 1961].

Процессуально много общего имеет и процедура выделения археологических общностей высшего порядка — археологических культур. Здесь также широко применяется корреляция — важен учет "веса типа", установление набора типов, имеющих структурообразующий характер.

Наряду с вертикальной цепочкой основных понятий археологической науки — признак—тип—культура — в последнем звене может быть выделен целый ряд подразделений, идущих как бы по горизонтали. В.С. Бочкарев предложил отличать культуру как устойчивое сочетание типов, устанавливаемое на основании различных видов источников (орудия труда, керамика, украшения и т.п.), от соединения (компаунда, фракции), основанного на сочетании одного вида источников [Бочкарев, 1973; Классификация в археологии ..., 1990]. К числу таких соединений относятся понятия "каменная индустрия", "металлургический очаг", "керамический стиль (wage)". Для донеолитической эпохи археологам известны главным образом "кремневые индустрии", и поэтому здесь

процедура выделения компаунда и культуры зачастую совпадает.

Для горизонтальной иерархии в ряду категории "археологическая культура" удобной и работающей является трехчленная система: локальный вариант — культура — культурная общность. Последнюю, правда, в силу отмеченного выше смещения понятийных уровней часто неточно именуют "этнокультурной" или "историкокультурной". Предложены количественные характеристики для распределения археологических памятников по этим подразделениям. Так, Д. Кларк [Clarke, 1968] предлагал выделять культурную группу с низким уровнем сходства (5—30%), культуру со средним уровнем сходства (30—65%) и субкультуру с высоким уровнем сходства (65—95%). По мнению Д. Кларка, низший уровень может соответствовать вещественным памятникам, оставленным, например, мелким индейским племенем, а высший — технокомплексу, т.е. понятию, которое практически близко культурно-хозяйственному типу советской этнографии.

Автором настоящих строк были предложены следующие показатели по совпадению сочетаемости типов: для локального варианта — 100—50%, для культуры — 50—30%, для культурной общности — 30—20% [Массон, 1976]. Например, для анализа группировки памятников джейтунского неолита (Южный Туркменистан, VI тыс. до н.э., Рис. 2) могут быть использованы типы домов, кремневых орудий, расписной керамики. При таком наборе сопоставление памятников оказалось возможным провести по 20 типам, что позволяет оценивать при сопоставительных операциях каждый тип в 5%. Имеющиеся материалы дают возможность также произвести и оценку "веса типов". Так, к часто встречающимся в пределах категории типам (компаунда) отнесены типы, имеющие показатель в 15—60%, а к редко встречающимся — с соответствующим показателем менее 15%. Такой дифференцированный подход позволил понизить оценку редко встречающихся типов до 2,5%. Табличное сопоставление показало, что верхние горизонты двух джейтунских памятников обнаруживают сходство в 70%, что дает основание объединять их в низшую таксономическую единицу — локальный вариант джейтунской культуры. При наличии более детальной и формализованной классификации соответствующие оценки можно производить еще более эффективно. Весьма важно накопление материалов, позволяющих определить количественно значимые границы сходства и расхождения в наборах типов. Изучение кремневых индустрий среднеазиатского неолита

ДЖЕЙТУНСКАЯ КУЛЬТУРА

Рис. 2. Джейтунская культура

показывает, что в пределах однокультурных памятников совпадение наборов типов форм достигает 70% [Коробкова, 1975].

Морфологические классификации и операции по выделению на материалах археологии устойчивых комплексов или культур носят объективный характер, восходят к особенностям процесса культурогенеза, протекавшего в древних обществах. С позиций культурологии археологические материалы представляют собой выборку, иногда называемую "музейной выборкой" некогда реально существовавшей культуры общества первобытной или раннеклассовой эпохи, взятой в ее предметно-продуктивном аспекте. Соответственно в археологических материалах в той или иной форме проявляются общие закономерности, присущие такому феномену, как культура. С этих позиций совершенно ясно, что фундаментальное понятие археологии "тип" отнюдь не представляет собой абстрактную комбинацию, созданную исследователем, пользуясь теми или иными видами процедур или, что весьма часто бывает, выделяющим эту категорию на интуитивном уровне. Археологический тип является выражением в материальном воплощении такой важнейшей особенности культурного процесса, как стереотипизация, благодаря которой происходит приобщение членов общества к достигнутым результатам. Стереотипы норм поведения, идеологических представлений, процессов трудовой деятельности находят воплощение в устойчивых типах различных предметов, с которыми в музейной выборке и имеет дело археология. Формы стереотипизации, начинавшиеся с простого подражания, в процессе эволюции усложняются. По мере развития производства возникает такая форма стереотипизации, как стандартизация, обеспечиваемая особой сферой производства, занятой выпуском стандартных объектов. Ранние этапы стандартизации можно проследить в глубокой древности. В керамическом производстве они становятся особенно заметными с внедрением гончарного круга. Стандартные типы сосудов массового изготовления широко используются археологами для различного рода исследовательских операций. Сходные явления происходят и в металлообработке с внедрением техники литья по типовым моделям, особенно в условиях повышенного спроса на определенные изделия, например оружие или украшения. Именно процесс стереотипизации археологии наблюдают в материальном воплощении артефактов, а сама возможность археологической типологии заложена в стереотипичности культуры, ее "эталонном" характере.

Таким образом, группировка и организация археологических материалов, объединяемых в комплексы, культуры и другие подразделения археологической систематики, зиждется на реальных, объективно существующих основаниях. Организация информационного потока, составляющего основу любой науки, имеет еще один немаловажный аспект. Это само понимание информации или "информационной ценности". В 20—30-х гг. нашего столетия под информацией предлагалось понимать любые факты или "новости". Однако позднее исследователи обратили внимание на то, что информация включает в себя в определенной степени и факты, и теории, и гипотезы. Не менее важно включение производимых знаний в коммуникативный процесс. Обычно считается, что именно включение новых знаний в систему научной информационной связи и есть главное условие превращения ее в научную информацию, приобретение информационной ценности. Такое включение осуществляется разными путями, одним из которых является публикация. Предварительные и полные отчеты о произведенных археологами экспедиционных исследованиях после публикации надежно вводят эти новые знания в информационное поле археологической науки. При входящим обстоятельством является всеобщая тенденция к замкнутости информационной сферы, к своего рода монополизации археологических знаний авторами раскопок и особенно официальными руководителями. При этом в повседневной практике раздаются даже голоса об авторском праве. Строго говоря, авторское право распространяется на произведения, созданные самим индивидуумом. Его объектом могут быть в данном случае отчеты о раскопках экспедиций с соответствующим иллюстративным материалом, но не сами добытые археологические объекты, подлинники создатели и авторы которых давно исчезли с лица земли. Ложно понятое "право собственности" принадлежит скорее к своего рода этическим традициям научного общества, чем к строго кодифицированным правовым явлениям. Другое дело, когда речь идет об источниках финансирования — будь-то учреждение, группы учреждений или частное лицо. Но при всех обстоятельствах ясно, что личность, претендующая на информационную монополию, несет моральную ответственность за дискриминационные действия перед ученым миром.

2. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Связь предмета археологической науки с миром культуры, на первый взгляд, лежит на поверхности явлений, что, в частности, нашло отражение в распространении в СССР в 20-е годы термина "история материальной культуры", заменившего слово "археология" в названии головного археологического учреждения страны, которое стало именоваться "Государственная академия истории материальной культуры" (ГАИМК). Однако дальнейшая разработка целого ряда вопросов показала, что подобная связь является многомерной, а порой весьма опосредованной, особенно в свете усилившегося в последние годы внимания к теоретическим проблемам культурологии.

Как известно, многие фундаментальные понятия науки носят сложный полифункциональный характер, выполняя в теоретическом плане целый ряд познавательных функций. Различные коллизии, возникающие в практике археологических разработок, особенно на интерпретационном уровне, в частности при употреблении термина "археологическая культура", связаны именно со смещением акцентов, когда на термин, однозначный на уровне омонимов, подсознательно переносится нагрузка разных уровней исследования, да по существу и разных наук, где этот термин имеет содержание и предмет явления, отличные по объему и наполнению. Выше уже говорилось о месте понятия "археологическая культура" в археологической систематике в его специфическом для данной науки значении. Здесь имеется в виду организация, массовых материалов в устойчивые комплексы как основа для последующих интерпретационных или реконструктивных операций.

В данном разделе мы остановимся на культурологических реконструкциях на материалах археологии, ориентируясь уже на иное содержание этого понятия как базового для культурологии, все более обособливающейся в особое научное направление и даже в отдельную науку.

Разработки советских культурологов существенно продвинули проблему определения понятия "культура", хотя и наблюдается тенденция к ее безгранично расширенному толкованию, как бы подменяющему понятие "общество". Феномен культуры рассматривается в первую очередь как система регулятивов человеческой деятельности, существующих в формах внешней (объективированной) и внутренней (субъектив-

ной) предметности. В.Е. Давидович и Ю.А.Жданов справедливо подчеркивают, что именно через категорию человеческой предметной деятельности понятие "культура" как социально-философская категория может быть введено в общий строй категорий философии [Давидович, Жданов, 1979. С. 28]. Эти исследователи считают возможным выделить три морфологических среза, или слоя, культуры: материальную культуру (на первом плане здесь преобразовательная, практически предметная деятельность); духовную культуру с ее механизмами действия и получаемыми результатами и, наконец, как особый морфологический слой — художественную культуру [Давидович, Жданов, 1979. С. 194 — 206].

Н.С. Злобин предпочитает говорить о материальных и духовных формах предметного бытия культуры [Злобин, 1980. С. 46—56]. Серьезное внимание различным аспектам культуры как глобального явления всемирной истории уделяет один из активных советских культурологов Э.С. Маркарян [Маркарян, 1983]. По его мнению, понятие "общество" обозначает строение, а "культура" — способ деятельности коллективного субъекта действия — социальной системы [Маркарян, 1983. С. 64]. Возможно, это излишнее увлечение уровневым положением культуры, поскольку социальная система и есть общество, для которого при таком подходе культура — способ деятельности. В одной из работ Э.С. Маркарян справедливо подчеркивает, что именно благодаря культуре человеческая деятельность обладает уникальными по своим потенциям преобразовательными возможностями. При этом отмечается, что "в ходе адаптации человека к окружающей среде приспособительный эффект достигается средствами социокультурной перестройки человеческих индивидов путем универсального преобразования внешней и внутренней сред их обитания" [Маркарян, 1981. С. 146]. На этой важнейшей стороне культуры, выводящей нас на системы жизнеобеспечения, мы еще остановимся далее.

Наряду с этим исследователи отмечают, что культура обладает относительной самостоятельностью и её этапы отнюдь не повторяют буквально этапы социально-экономического развития [Давидович, Жданов, 1979. С. 235]. Наиболее наглядно это прослеживается при тенденции к сохранению жесткой системы ценностей, регулируемой обычаями и традициями. Важное значение имеют культурологические разработки С.А. Арутюнова, осуществленные на основе этнографических и других материалов [Арутюнов, 1979, 1985].

Не вдаваясь в детали осуществляемых разработок, нельзя не признать, что понятие "культура" является важнейшей категорией [Меженцев, 1977, С. 13]. Для изучения всемирно-исторического процесса важно наличие эпохальных срезов, или типов, культуры — культуры первобытной эпохи, древней эпохи или эпохи рабовладельческих отношений и т.д. Вместе с тем многообразие конкретного исторического процесса находит отражение и выражение в локальных культурах, в том числе в локальных способах адаптации исторических общностей людей к тем или иным средам обитания [Маркарян, 1981, С. 15]. Это особенно ярко проявляется в первобытную эпоху с её ограниченным производственным потенциалом и соответственно разнообразием культурно-хозяйственных типов.

В аспекте подобных разработок археологические материалы занимают определенное место. Они представляют собой выборку некогда реально существовавшей культуры (в культурологическом понимании этого термина) общества первобытной или раннеклассовой эпох в её предметно-продуктивном аспекте. Этот непреложный факт заставляет обратить особое внимание на культурологические разработки, поскольку именно они позволяют в значительной мере определить и информационные возможности данных археологии, особенно при исторических и социологических реконструкциях.

Выявление на материалах археологии самого факта наличия устойчивого комплекса, который можно определить термином "культура" именно в культурологическом аспекте, имеет немаловажное методологическое значение. Хорошо известна длительная, то затухающая, то возобновляющаяся, дискуссия о начале "собственно" человека и "собственно" человеческого общества. Делая упор на необходимость учета развития двух факторов — социального и биологического, некоторые исследователи стремятся начинать историю общества и историю первобытнообщинной формации с верхнего палеолита, когда сформировался человек современного типа — *Homo sapiens* [Матюхин, 1985].

Автор этих строк глубоко убежден в том, что периодизацию любого явления необходимо строить по однопорядковым принципам, не говоря уже о смешении двух принципиально различных форм движения материи — биологической и социальной. Тем более, что, как показывают массовые материалы, прогрессивные с точки зрения антропологии внешние физические черты отнюдь не коррелируют с прогрессивными проявлениями общества, которые образуют носители этих антропологических признаков. Так, в мастерских культурах

Ближнего Востока, где антропологические и археологические материалы для эпохи мустье особенно многочисленны, так называемые прогрессивные неандертальцы продолжали архаические традиции изготовления орудий, тогда как провозвестники новой верхнепалеолитической техники обработки камня отмечены у групп людей, чей внешний облик несет, с точки зрения физической антропологии, черты глубокой архаики и звероподобия.

Вместе с тем сама проблема первого человека и первого общества остается глубоко дискуссионной. С позиций археологии очень важно наличие устойчивого комплекса явлений, который можно было бы считать началом феномена культуры, который есть чисто человеческое явление и отсутствует в животном мире. Я полагаю, что существование в олдувейскую эпоху бесспорных искусственно сооруженных жилищ, набора специально изготовленных орудий, а также охоты как устойчивой формы жизнедеятельности позволяет говорить о наличии комплекса культуры и начале человеческого общества в его исходных, примитивных формах с олдувейской эпохи.

При культурологических реконструкциях на материалах археологии необходимо учитывать саму структуру феномена культуры, предложенную культурологами [Арутюнов, 1985]. Здесь выделяются четыре подсистемы: производственная, жизнеобеспечивающая, познавательная и соционормативная. Производственная система охватывает производство материальных благ, орудий и средств производства и, будучи представлена разнообразными материальными объектами, в целом достаточно полно характеризуется данными археологии. Подсистема жизнеобеспечения, которую иногда предлагают именовать даже культурой жизнеобеспечения [Культура жизнеобеспечения..., 1983], непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности её носителей и функционирует преимущественно в сфере потребления. Грань между первичным производством материальных благ и завершающим этапом их реализации проходит как раз на уровне подсистемы жизнеобеспечения, когда блага принимают форму, окончательно направленную на удовлетворение жизненных потребностей. Археологические данные, характеризующие жилища, объекты для приготовления и потребления пищи, а в известной мере одежду и украшения, напрямую выводят исследователей к подсистеме жизнеобеспечения. Познавательная подсистема охватывает совокупность научных и эмпирических знаний, опыта, а также те сферы познания, которые ос-

нованы не на рациональном, а на эмоциональном восприятии, прежде всего через художественные образы. Наконец, соционормативная подсистема связана с целым рядом аспектов духовной культуры — ритуально-культовым, престижным, эстетическим — и включает в себя мораль, право, ритуалы, обычаи, а также значительную часть религиозных институтов.

В формировании всех этих подсистем большую роль играли адаптационные механизмы. Советскими культурологами разработано понимание общества как адаптивно-адаптирующей системы. Феномен адаптации в развитии общества представляет собой гибкий механизм, выработанный именно в общественной среде на эмпирической основе и со временем все более приобретающий черты целевой стратегии, во всяком случае, как идеального состояния. Важнейшим этапом формирования и проявления результативности этого механизма была эпоха верхнего палеолита. Адаптационные процессы здесь шли по разным направлениям. Главным был выбор хозяйственной стратегии, нацеленной на устойчивость пищевых цепочек. Другим важным аспектом является бытовая адаптация, ориентированная в первую очередь на создание искусственной среды обитания. Решающее значение приобретает и социальная адаптация, трудно реконструируемая по материалам археологии. В ней решающую роль играла трансформация соционормативной подсистемы, активно реализующей заложенные в ней механизмы, совершенствующей их и создающей новые. Ярким образцом хозяйственной и бытовой адаптации являются охотники на мамонтов приледниковой Европы. Хозяйственная стратегия в максимальной форме была в данном случае нацелена на мегафауну, прочно утверждала традиции специализированной охоты. В пору верхнего палеолита здесь получила дальнейшее развитие техника домостроительства на открытых пространствах. Важным элементом бытовой адаптации было развитие одежды. Судя по орудиям труда обработка шкур и шитьё одежды стали в эту пору специализированными производствами. Узкофункциональные специализированные орудия служили для различных трудовых операций: пушения бахтармы, сгонки волос, мягчения и лощения шкур. Имелись и костяные лощила, с помощью которых можно было изготавливать замшу. Технологический набор орудий позволял обеспечить изготовление высококачественных кожаных и меховых изделий. Наблюдения археозоологов показывают, что пушные звери, например, лисец, добывались именно с целью получения соответствующе-

го сырья. Судя по всему изготавливались в равной мере как одежда, так и обувь и головные уборы. Они нередко украшались нашивками из кости, как это видно по сунгирьским погребениям.

Экстремальная экологическая ситуация способствовала упрочению фактора социальной стабильности, свидетельством чего являются долговременные поселения локальных групп (общин), и возрастанию роли лидера — вождя, на чем мы остановимся в разделе 3.

Дифференцированный подход дает возможность анализировать значимость культурных традиций на содержательном уровне. Эти составные элементы позволяют последовательно реконструировать древние культурные комплексы как сложные многокомпонентные структуры.

Разработки культурологии дают реальную возможность не только статичной характеристики древних культурных комплексов, но и анализа их динамики, процессов развития и трансформации.

Здесь весьма существенен подход к культурам различных рангов. Так выделяется эпохальный тип культуры, отражающий закономерности наиболее широкого плана, зачастую конвергентного характера, связанные с определенной ступенью или стадией социально-экономического, технологического или культурного прогресса. Таков, например, тип культуры первых цивилизаций [Массон, 1989] или тип культуры раннеземледельческой эпохи, где культурные и технологические достижения воплотились в новом образе жизни, конвергентно установившемся в Старом и Новом свете.

Второй тип культуры — региональный, ограниченный пространственно-временными рамками, в пределах которых формопроявления носят специфический и зачастую неповторимый характер. Следует иметь в виду, что понятие культурного региона, в отличие от географического региона, является более динамичным, его границы и содержание подвержены значительным временным изменениям. Правда, многие черты культурной стабильности, в конечном итоге, восходят к тем же явлениям географического, или шире — экологического характера. Для археологии такой уровень анализа, как региональный, особенно важен. На одном из заседаний археологического семинара в Петербурге В.С.Бочкарев справедливо подчеркнул, что чаще всего археологические культуры как устойчивые культурные общности возникают не как единичный феномен, а целыми блоками. Такие блоки включают культуры, близкие по ряду формопроявлений, что хоро-

I. ЭПОХАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

ПРОТОГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ
И ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ РЕМЕСЕЛ

II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

МРАМОРНЫЕ И

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ

КАМЕННЫЕ СОСУДЫ

ПЛОСКИЕ ПЕЧАТИ

IIa. ПРОТОБАКТРИЙСКИЙ
СУБРЕГИОН

IIb. ИНДОСТАНСКИЙ
СУБРЕГИОН

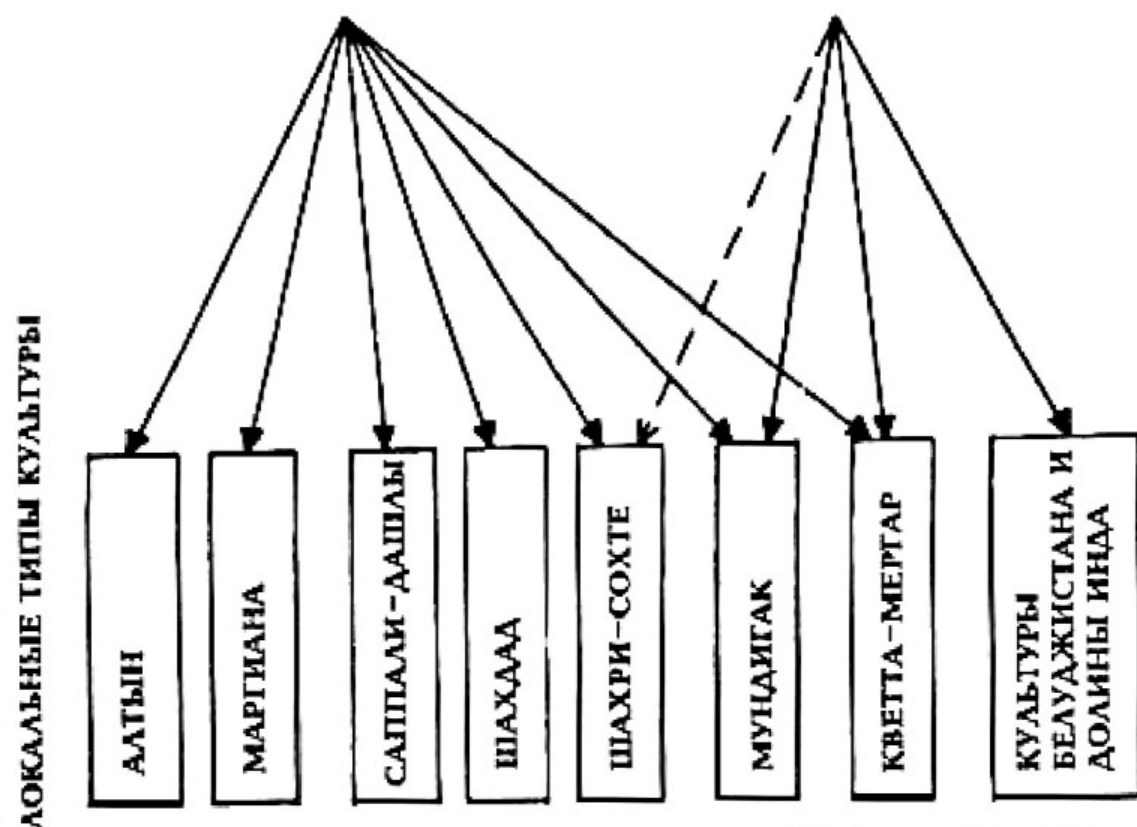

Рис. 3. Типы культур Средней Азии и соседних областей в эпоху бронзы.

по известно по культурам степной зоны Евразии Эпохи палеометалла. В таких комплексах, как древнеямные, срубные, катакомбные, андроновские и др., отчетливо проявляется в качестве общей подосновы региональный тип культуры, реализуемый, в частности, в устойчивом наборе артефактов. Другим ярким примером такого блока культур являются культуры архаических земледельцев Ближнего Востока и Джармо до среднеазиатского Джейтуна.

Наконец, третий уровень, или третий тип, культуры — локальный. В данном случае локальная культура является конкретной единицей, соответствующей древнему обществу как социокультурной системе.

Взаимодействие и разный удельный вес элементов эпохального, регионального и локального характеризуют важные стороны древнего культурогенеза. Проиллюстрируем это на двух примерах археологии Средней Азии и соседних регионов. Для эпохи средней бронзы этот подход позволяет раскрыть содержание такого важного явления, как культурный синтез (Рис. 3).

Во второй половине III — первой трети II тыс. до н.э. здесь развивается группа, или блок раннегородских, или протогородских, цивилизаций. Эпохальный тип культуры показатель для типа первых цивилизаций с монументальной архитектурой, крупными центрами урбанистического облика и специализированными ремеслами. На региональном уровне эти образования явно тяготеют к типу древневосточных цивилизаций, но образуют особую культурную группировку — субрегион, который автор этих строк предложил назвать протобактрийским. Он лежит вне зон прямых протоэламских воздействий. Этот культурный субрегион имеет ряд специфических черт. В частности, здесь широко распространены плоские и перегородчатые печати и сосуды, выточенные из мраморовидного известняка. В субрегионе выявлен ряд локальных культур или цивилизаций, из числа которых лучше изучена южнотуркменистанская цивилизация Алтын-Депе [Массон, 1981]. На юго-востоке протобактрийский субрегион граничит с другим обширным культурным подразделением — индоостанским. Некоторые локальные культуры сочетают в себе элементы обоих субрегионов, происходит смешение межрегиональных границ. Так, комплексы типа Мегара явно тяготеют на ранних этапах преимущественно к индоостанскому субрегиону, тогда как с конца III тыс. до н.э. по типам керамики, цилиндрических печатей, сосудов из мраморовид-

I. ЭПОХАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

СПЛАНИРОВАННЫЕ
ГОРОДА

МОНЕТНАЯ
СИСТЕМА

II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ТРАДИЦИИ

IIa. ИРАНО-ПАРФЯНСКИЙ СУБРЕГИОН IIб. ИНДО-БАКТРИЙСКИЙ СУБРЕГИОН

ЛОКАЛЬНЫЕ ТИПЫ КУЛЬТУРЫ

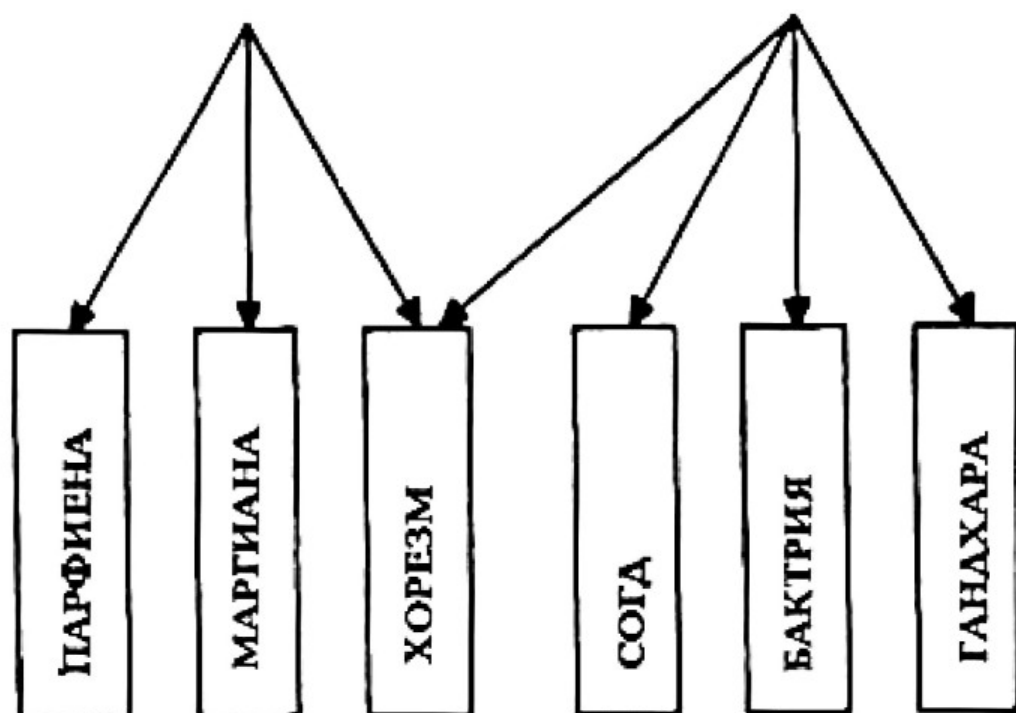

Рис. 4. Типы культур Средней Азии и соседних областей в эпоху древнего мира

ного известняка их следует включать в протобактрийский очаг древневосточных цивилизаций.

К античной эпохе межрегиональные границы заметно сместились, отражая иную историческую и культурологическую ситуацию (Рис. 4). Эпохальный тип культур для этого времени — социокультурные комплексы, связанные с обществом эпохи развития рабовладельческих отношений, или рабовладельческой формации. Его впечатляющим внешним признаком являются крупные городские центры правильной планировки как отражение политики целенаправленного регулируемого градостроительства. Второй яркий признак эпохального типа культуры — распространение денег в монетной форме. Оно связано с массовым и регулярным товарооборотом на денежной основе. На региональном уровне наблюдается распространение комплексов эллинистического и постэллинистического типов. На субрегиональном уровне мы отчетливо видим две группировки — ирано-парфянского и индо-бактрийского круга. Древние цивилизации как локальные формопроявления известны по географии античной эпохи. Согд, Бактрия, Маргиана, Парфия, Хорезм образуют в данном случае локальный тип культур и цивилизаций.

Принципиально важное значение имеет культурология для изучения по археологическим материалам самого культурного процесса, для реконструкции древнего культурогенеза. Сам археологический материал, получаемый все в больших количествах, прямо наталкивает археологов на эту тематику, но без должной методологической ориентированности она зачастую разрабатывается преимущественно на интуитивном уровне, с использованием упрощенных механических концепций миграционного характера, а порой и попросту кустарно. В ряде случаев традиционные формы объяснения происхождения археологических культур и общностей на путях трафаретной интерпретации зашли в тупик, вследствие чего создаются кризисные ситуации, дискредитирующие в глазах научной общественности саму надежность исторической интерпретации данных археологии. К тому же сильно воздействие традиции искать повсюду и в первую очередь этногенетические процессы, что порой уводит в сторону от решения реальных проблем, выдвигаемых на первый план самими данными археологии. В ряде случаев более правильно выдвигать на первый план вопросы культурогенеза, а лишь затем ставить вопрос о народах, в том числе предках современных, которые создали культурный потенциал.

Культурологические разработки позволяют говорить о разных типах развития, каждый из которых может быть проанализирован на материалах археологии. Первый — это спонтанная трансформация, когда нововведение, новые модели и эталоны (инновации) в основном складываются в местной среде, развитие идет за счет внутренних механизмов и стимулов. Второй тип развития — стимулированная трансформация, когда культурные изменения происходят под косвенным воздействием внешних импульсов, но без прямого заимствования. И наконец, третий тип, хорошо известный археологам на эмпирическом уровне, — прямое заимствование. Рассмотрим эти варианты типов развития на конкретных примерах тех же древних культур Средней Азии и Среднего Востока, о которых речь шла выше. Для цивилизации бронзового века Алтын—Депе основной линией развития была спонтанная трансформация местной анауской культуры, обладавшей всеми характерными признаками культур раннеземледельческой эпохи. Вместе с тем на формативном этапе все большее значение приобретает стимулированная трансформация, имели место и прямые заимствования. Месопотамские и эдамские эталоны и модели в области архитектуры и торевтики оказали заметное воздействие на культуру Алтын—Депе.

Взаимодействие спонтанной и стимулированной трансформации является характерной чертой протобактрийского региона и в течение II тыс. до н.э. Можно рассмотреть, как общие закономерности проявляются в конкретной группе артефактов — различных типов печатей Маргианы (Рис. 5). Здесь четко выступают три компонента, нашедших отражение в распространении трех типов печатей. Первый — это плоские перегородчатые печати с петлеобразной ручкой. По формам, геометрическим и зооморфным (копытные, птицы) мотивам они продолжают местную, алтыновскую, традицию. Видимо, типологическим развитием их являются крупные ажурные печати, где сюжеты становятся более разнообразными. Все это прямой результат спонтанной трансформации. Новыми являются два типа — плоские каменные печати-амулеты и цилиндрические печати со сложными сюжетами и сценами. По форме последний тип явно происходит от месопотамско-эдамской глиптики и при своеобразии иконографии представляет особый характерный пример стимулированной трансформации, воплощенной в новом типе артефактов. Что же касается печатей-амулетов, то в их форме — в виде многоступенчатого креста — в известной мере в сюжетах

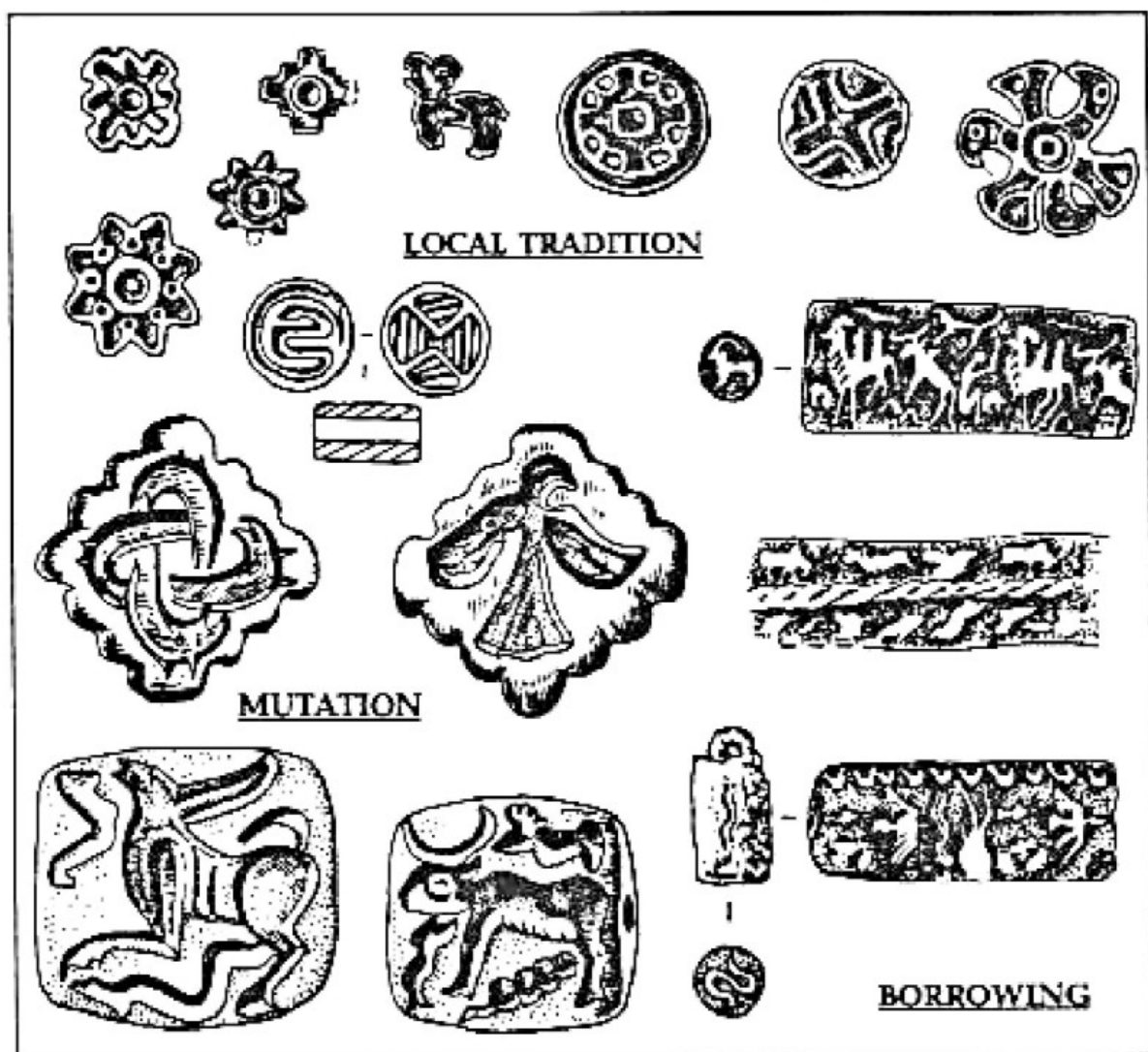

Рис. 5. Типы печатей Маргианы эпохи бронзы.

могут быть прослежены местные традиции. Но в целом сюжеты и стиль существенно отличны. Сами сюжеты частично навеяны месопотамо-эдамской и хараппской традициями. Но это не прямое заимствование, а селективное использование.

Таким образом, уже в самом новом типе артефактов отражен сложный процесс культурного синтеза, объединяющего линии спонтанной и стимулированной трансформации. В целом процесс формирования культурных комплексов Маргианы и Бактрии II тыс. до н.э. реконструируется как многокомпонентный. Исходный пласт культуры типа Алтын-Деше постепенно меняется в ходе спонтанной трансформации. Стимулированная трансформация может быть отмечена в

виде отдельных импульсов, идущих с запада, со стороны мессопотамско-эдамского арсала.

Качественно новая эпоха наступает в Средней Азии со второй половины I тыс. до н.э. Как уже отмечалось, эпохальный тип культуры этого времени характерен для общества развитой древности, связываемой советскими исследователями со зрелой ступенью рабовладельческой формации. Первоначально, в IV—II вв. до н.э. культурные изменения носят в ряде отношений скачкообразный характер, пучок инноваций достигает высокой степени концентрации. Он сосредоточен в основном в спектре стимулированной трансформации. Имеют место и прямые заимствования. Эти культурные инновации наблюдаются в различных подсистемах культуры и воплощены в новых типах артефактов. Генетически большинство инноваций связано с эллинистическими воздействиями. В результате даже массовая, народная культура претерпевает значительные изменения. В керамическом комплексе распространяются открытые формы, некоторые типы сосудов прямым образом следуют эталонам Эллады. Таким образом, изменения затрагивают даже подсистему жизнеобеспечения, поскольку функционально керамическая посуда связана с приготовлением и потреблением пищи. Местные начала также представлены в ряде формопроявлений, в том числе в керамике и особенно в сырцовом домостроительстве. Но два потока — спонтанной и стимулированной — трансформации на первых порах идут как бы параллельно, сосуществуя в разнотипных наборах артефактов (Рис.6).

На следующем этапе шире представлен культурный синтез, особенно хорошо изученный для кушанской эпохи I—IV вв. н.э. Здесь налицо прежде всего спонтанная трансформация ориентально-элинского пласта, который как раз вступает в фазу органического синтеза. Дальнейшее воздействие греческих, а затем и римских эталонов в целом не очень велико и естественно вписывалось в местный постэллинистический комплекс. В этом воздействии немаловажную роль играли коммерческие связи. Развитая торговля ювелирными и художественными изделиями объективно выполняла функцию культурного обмена. Другим источником стимулированной трансформации были культурные традиции Индии, проникающие, в частности, с распространением буддийских догматов. Сравнительно непродолжительным, но ощутимым было воздействие кочевого мира степной Азии. Таким образом, мощный очаг среднеазиатских урбанизированных культур античной эпохи, как и в древневосточную эпоху, формировался

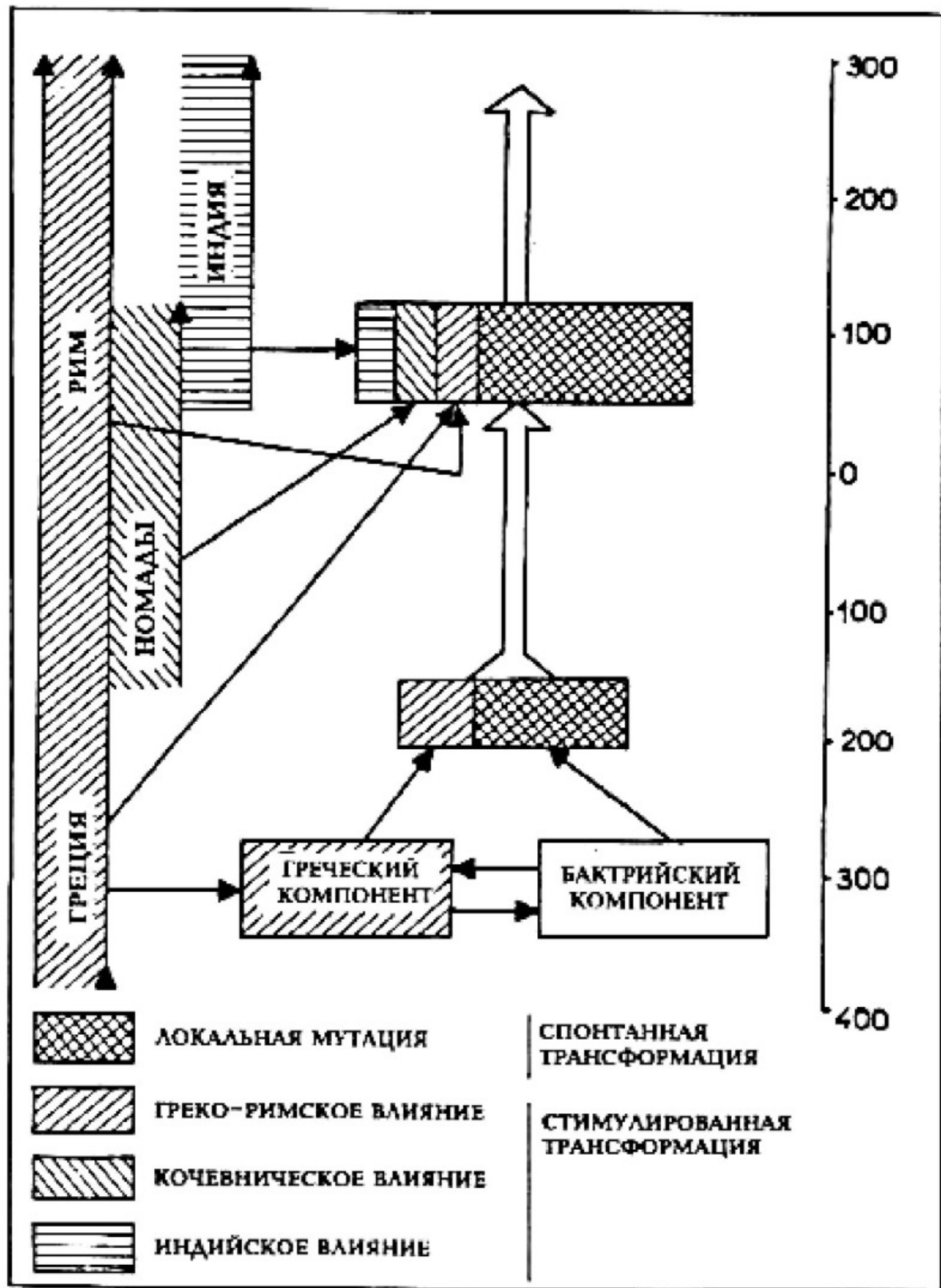

Рис. 6. Культурная трансформация в Бактрии в эпоху Древнего мира

в условиях скрещения различных культурных традиций и культурного синтеза.

Важной формой установления на значительной территории устойчивых эталонов была культурная интеграция, к сожалению, слабо учитываемая при анализе такой сложной проблемы, как формирование археологических культур и культурных общностей. Ее значение возрастает с повышением ранга социально-экономического развития, когда в обществе формируются устойчивые комплексы новых потребностей и запросов, а различные формы механизмов взаимодействия — от торговли до политической доминанты — получают стабильный характер.

Под культурной интеграцией следует понимать ассимиляцию различных культурных элементов в единой гомогенной культуре (Рис. 7). Движущие стимулы такого процесса могли лежать и вне культурной сферы, восходя к особенностям социального или экономического развития того или иного общества или групп обществ, или даже к политической ситуации. Понятие культурной интеграции является категорией высокого рангового уровня в отличие от понятий "влияние" или "заимствование". Эти последние понятия связаны с явлениями механического характера, тогда как культурная интеграция отражает движение культуры через трансформацию к качественно новому состоянию. При этом в формировании новых культурных эталонов большую роль играют явления селекции и адаптации. Велико и значение моды, возникновение которой лежит в сфере социально-психологических стереотипов. Реконструкция культурного процесса как интеграции позволяет в ряде случаев лучше понять явления, наблюдаемые на археологическом материале в сфере культурогенеза, которые часто по привычной трафаретной схеме рассматривались как показатель этнических перемен. Один из ярких примеров — так называемая согдийская колонизация Семиречья, когда вся раннегородская культура этого региона однозначно приписывалась согдийским переселенцам или, как альтернативная реакция, — местным оседающим кочевникам. Большая роль согдийского компонента в сложении культуры раннего средневековья этих районов беспорочна. Сформировавшись на основе различных компонентов, сама согдийская культура стала своего рода эталоном эпохи. Были созданы модели и нормы, широко распространившиеся в обществах в период второго цикла урбанизации, который наблюдается в оседлых оазисах Средней Азии и во входящем теперь в их число Семиречье в VI—VIII вв. н.э. Перед

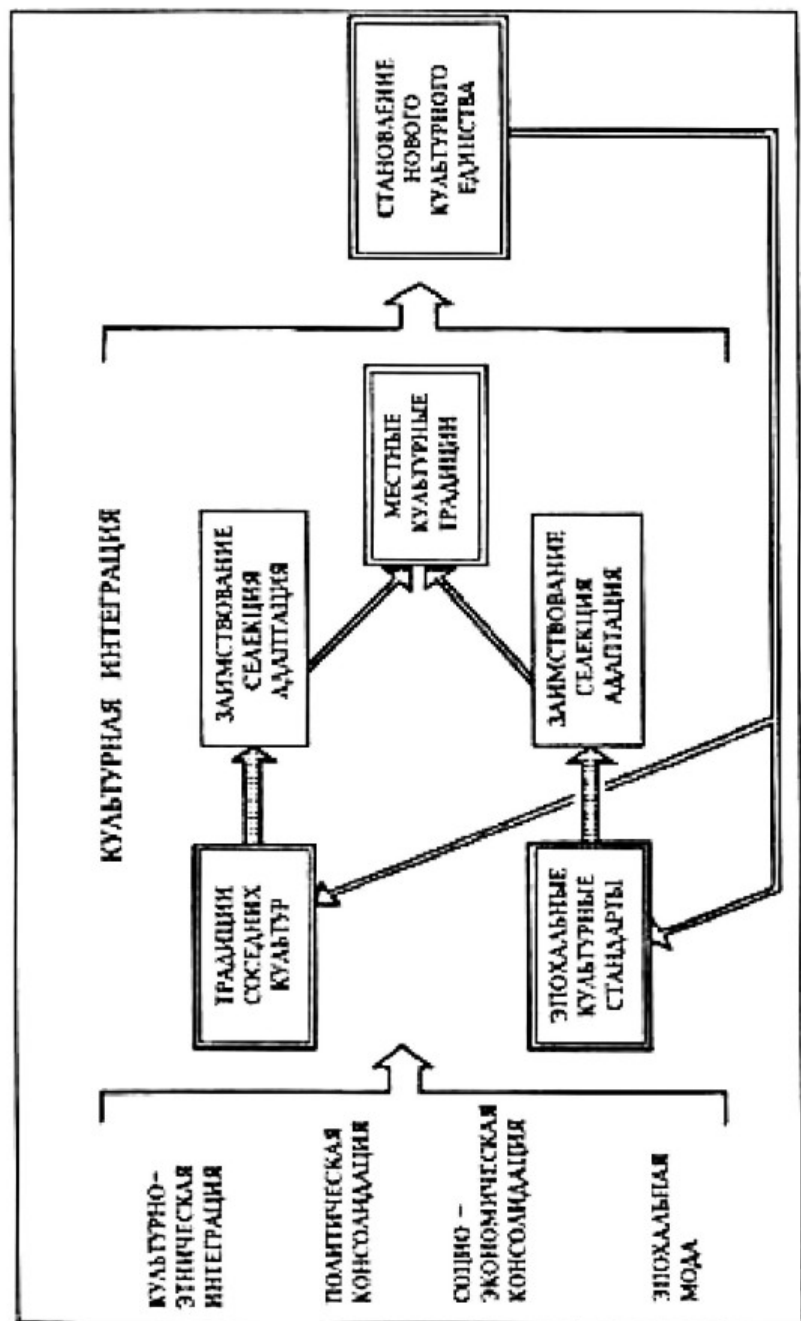

Рис. 7. Процесс культурной интеграции

нами, бесспорно, отражение процесса культурной интеграции, и для широкого распространения эталонной модели отнюдь не обязательно физическое перемещение групп населения, хотя оно и было одним из конкретных механизмов протекавших процессов [Массон, 1979].

Вероятно, во многих других случаях подход с позиций интеграции и дезинтеграции и выделения стоящих за ними глубинных процессов способствовал бы более адекватной трактовке археологических данных. Так, хорошо известны дискуссии, часто довольно острые, по поводу черняховской культуры, оставленной оседлоземледельческим населением Поднеспровья и Поднестровья II—начала V вв. н.э. Она характеризуется совершенными стандартами материальной культуры, часто следующими римским образцам и обширным римским импортом, включая монету. Ее объявляли то чисто славянской, то готской, то (в последнее время) полиэтничной, что, видимо, является наиболее перспективным подходом. Однако феномен полиэтничности как бы вступает в противоречие со значительным культурным единством, позволившим выделить соответствующие памятники в особую археологическую общность. Вполне вероятно, что здесь также сыграли роль процессы интеграции, когда соответствующий культурный комплекс, формировавшийся на периферии римского культурного мира и органически включавший его компоненты в форме прямого заимствования или селективной переработки, был воспринят различными группами населения. В процессе культурной интеграции велико значение городов и городской культуры. Процессы культурной интеграции играли большую роль в истории Европы, да и в наши дни они активно развиваются как в экономической, так и в культурной сферах. Рассмотрим лишь один пример. В юго-восточной Европе и, в частности, в Северо-Западном Причерноморье в древнюю эпоху этно-культурная карта непрерывно осложнялась передвижениями, переселениями, военнополитическими стрессами. При этом одним из стабилизирующих факторов исторического процесса становилось явление урбанизации. Исходный культурный пласт фракийского Гальштата, скифские и кельские компоненты становились слагаемыми частями культуры урбанистического характера. Соответственно происходило и развитие процессов культурной интеграции. Устойчивой тенденцией становилось использование уже сложившихся эталонов городской культуры греко-римского мира. Эта метода охватывает, в первую оче-

редь, элитарную субкультуру и часто распространяется на основе селекций.

Новый этап наступает в римскую эпоху. Как известно, Римская держава отличалась значительной этнической пестротой. Поэтому эталоны урбанистической культуры играли в ней важную объединяющую роль, целенаправленно внедрялись как установки на идеологическое включение. В масштабах гигантской территории происходил процесс суперинтеграции. Римские эталоны становились определяющими для тогдашнего культурного мира, мода на них распространялась далеко за пределами политических границ Римской империи. Все это сыграло важную роль в гето-фракийской интеграции II—I в. до н.э., шедшей параллельно с тенденцией к политической консолидации. Здесь значение римских эталонов нашло отражение в трех сферах — в градостроительстве, оружии и фортификации, входящих в более широкое понятие "средств насилия", и в элитарной субкультуре. Оно во многом определяло и колорит обыденной культуры, изучаемой археологией. После образования римской провинции Дакция здесь, несмотря на колонизацию и депортацию, культурная интеграция достигает оптимума. Формируется локальный очаг провинциальной римской культуры. Как и в других частях Римской державы, в рамках урбанизированных провинций усиливается процесс этнической консолидации. Урбанизированные стереотипы консолидируют многокомпонентный состав населения. Именно эти явления определяли главную магистраль исторического процесса, а не многочисленные войны, походы и грабежи. Не случайно как раз с упадком городских центров происходит культурная дезинтеграция, пятное движение в культурогенезе и этногенезе.

При культурологических реконструкциях может быть использовано и такое социологическое понятие, как культурный комплекс — широкая совокупность предметов, учреждений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом. Например, среднеазиатским археологам на эмпирическом уровне хорошо известна кушанская культура как устойчивое сочетание определенных артефактов, повторяющихся как в крупных центрах, так и на мелких поселениях (Рис. 8). Генетически эта археологическая общность восходит к такому большому историческому явлению, которое при указанном выше подходе можно определить как кушанский культурный комплекс (Рис. 9). В данном случае он связан в первую очередь с кушанским городом и тем широким развитием городской культуры и урбанизации, кото-

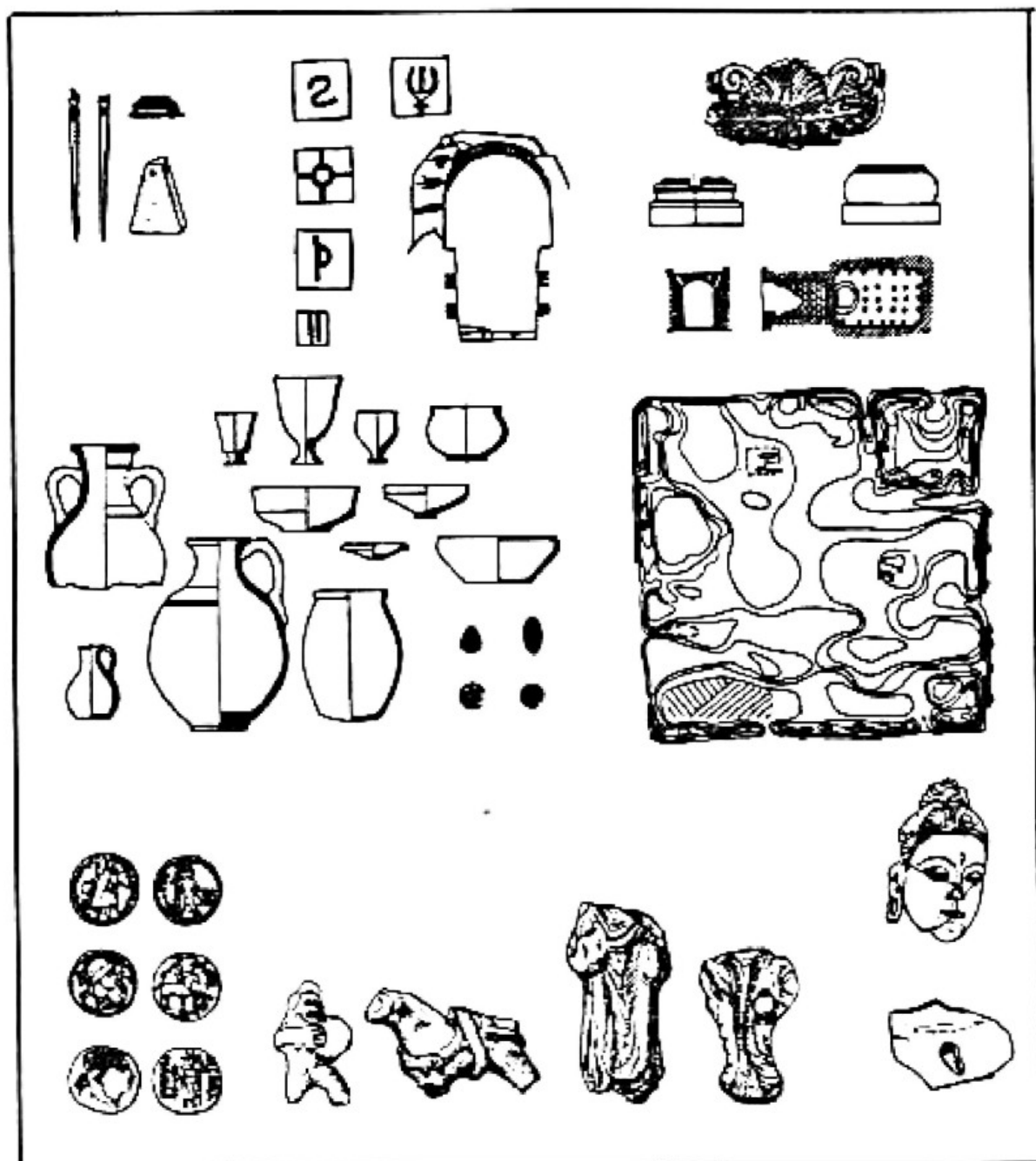

Рис. 8. Кушанский культурный комплекс как устойчивое сочетание артефактов

рое вообще характерно для этого общества [Массон, 1976а]. В кушанском культурном комплексе находит воплощение и функция идеологического лидерства города и многое другое. Показательно, что с упадком и исчезновением кушанских городов постепенно исчезает и кушанский культурный комплекс. Интеграция сменяется дезинтеграцией, соответствующей, скорее всего, кардинальному рубежу в социально-эко-

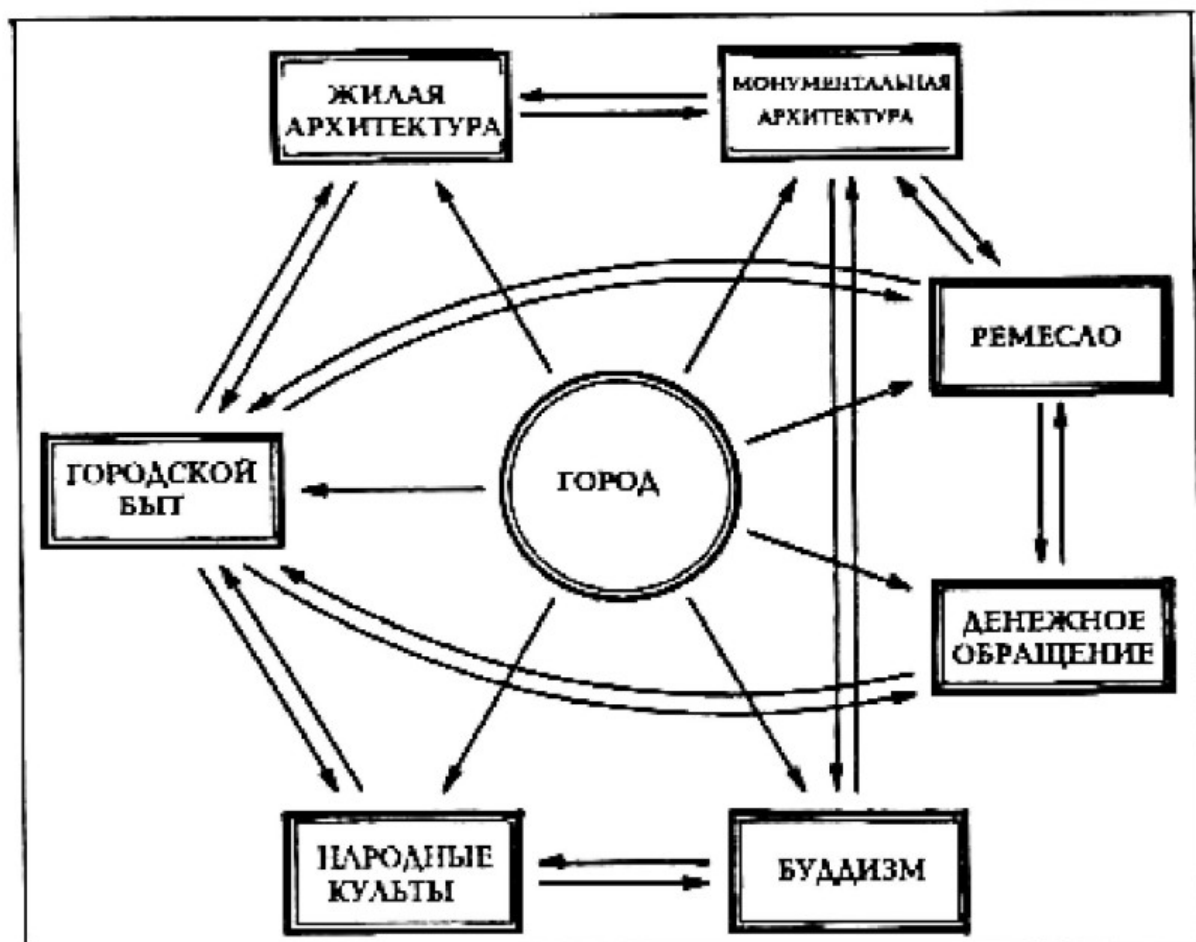

Рис. 9. Культурологическая интерпретация кушанского культурного комплекса

номическом развитии среднеазиатских обществ эпохи рабовладельческих отношений. В трансформированной форме наследие кушанских эталонов в свою очередь вошло составным элементом в согдийский культурный комплекс, упомянутый выше. Именно в Согд из Бактрии перемещается в VI–VIII вв. центр импульсного развития.

Культурология позволяет подойти к изучению самой динамики и внутреннего содержания процесса культурогенеза. (Рис. 10). Этнографы и культурологи проделали большую работу по их изучению. В этом отношении плодотворным является проведенное в Ереване в 1978 г. совещание по методологическим проблемам изучения этнических культур [Методологические проблемы..., 1978]. Ю.В. Бромлей определяет традиции как компоненты, или стороны, культуры, характеризующиеся устойчивостью, преемственностью, повторяющимися из поколения в поколение [Бромлей, 1973. С. 67–68]. Одним из компонентов традиций являются обряды, или ритуалы,

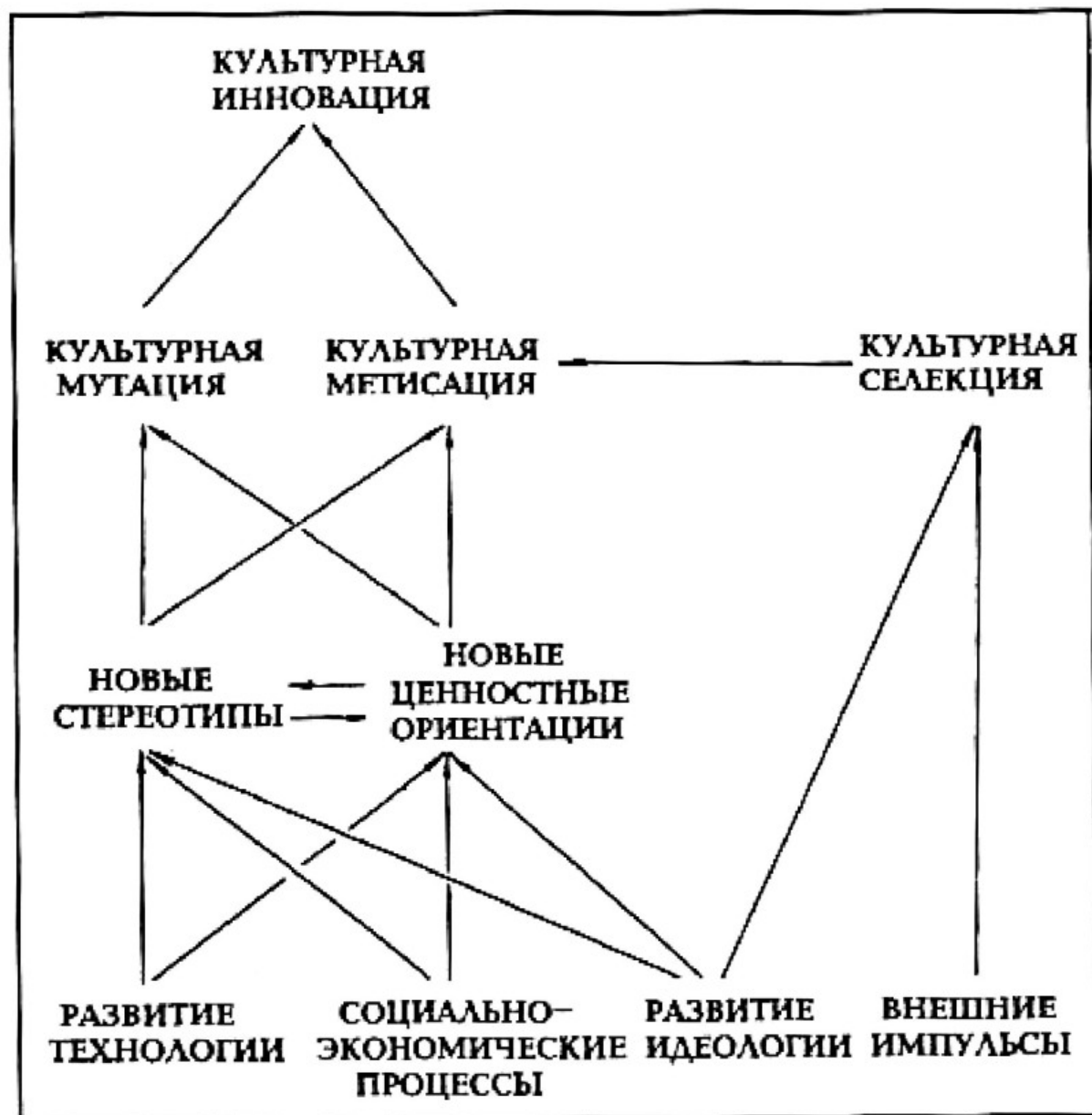

Рис. 10. Формирование культурных инноваций

выступающие в данном случае как средство социального регулирования. В результате мы видим стереотипные формы массового поведения, выражающиеся в повторении стандартизированных действий [Бромлей, 1973. С. 70—71]. В этом отношении сам термин "традиция" недалеко отошел от первоначального значения в латинском языке, где он означал "передачу", "передание".

В более общем плане традиции можно рассматривать в качестве механизма самосохранения, воспроизводства и регенерации конкретной культуры как системы, когда традиции

включают в себя процесс и результаты стереотипизации как концентрированное выражение социально — исторического опыта. Под инновацией понимается введение новой технологии и новых моделей деятельности, причем создание такой модели происходит путем абстрагирования стереотипных объектов и функций и соединения их нестереотипичной комбинации [Абрамян, 1978].

В археологической науке, исследующей предметный мир культуры, инновации, связанные с утверждением в обществе новой технологии или новой модели деятельности, находят отражение в появлении и распространении новых типов артефактов, что может быть четко определено методом археологической типологии и подтверждено качественным анализом (Рис. 11, 12). Факт перерыва традиций и распространения инноваций на материалах, составляющих объект археологии, устанавливается на основе анализа различных категорий источников (керамики, кремневых орудий, металлических изделий, погребальных обрядов). Определение порога инновации, качественного и количественного соотношения нового и традиционного имеет принципиальное значение для организации самого археологического материала, выделения как самих археологических культур, так и отдельных этапов их развития.

Взаимодействие традиций и инноваций отражает сложный, диалектический характер культурогенеза. На археологических материалах можно наблюдать, как отдельные инновации, пройдя стереотипизацию, четко фиксируемую типами артефактов, превращаются в традиционные элементы культурного комплекса. Типологический метод позволяет проследить и постепенную изменяемость нововведений, отражающую своего рода адаптацию к культурной системе в целом. Преемственность культуры при таком механизме следует диалектическому закону снятия или отрицания, являющегося условием и моментом развития и вместе с тем связи нового со старым. При взаимодействии аспектов преодоления, сохранения и восхождения на новый, более высокий этап происходит отбор удерживаемых культурных форм и удержание с органическим включением в новое целое.

Вообще надо сказать, что творческое использование материалистической диалектики еще мало распространено в археологии, где исследователи практически ограничиваются эволюционными моделями, подкрепляемыми методами графического анализа. Однако совершенно ясно, что, например, рассмотрение смены археологических культур, хорошо из —

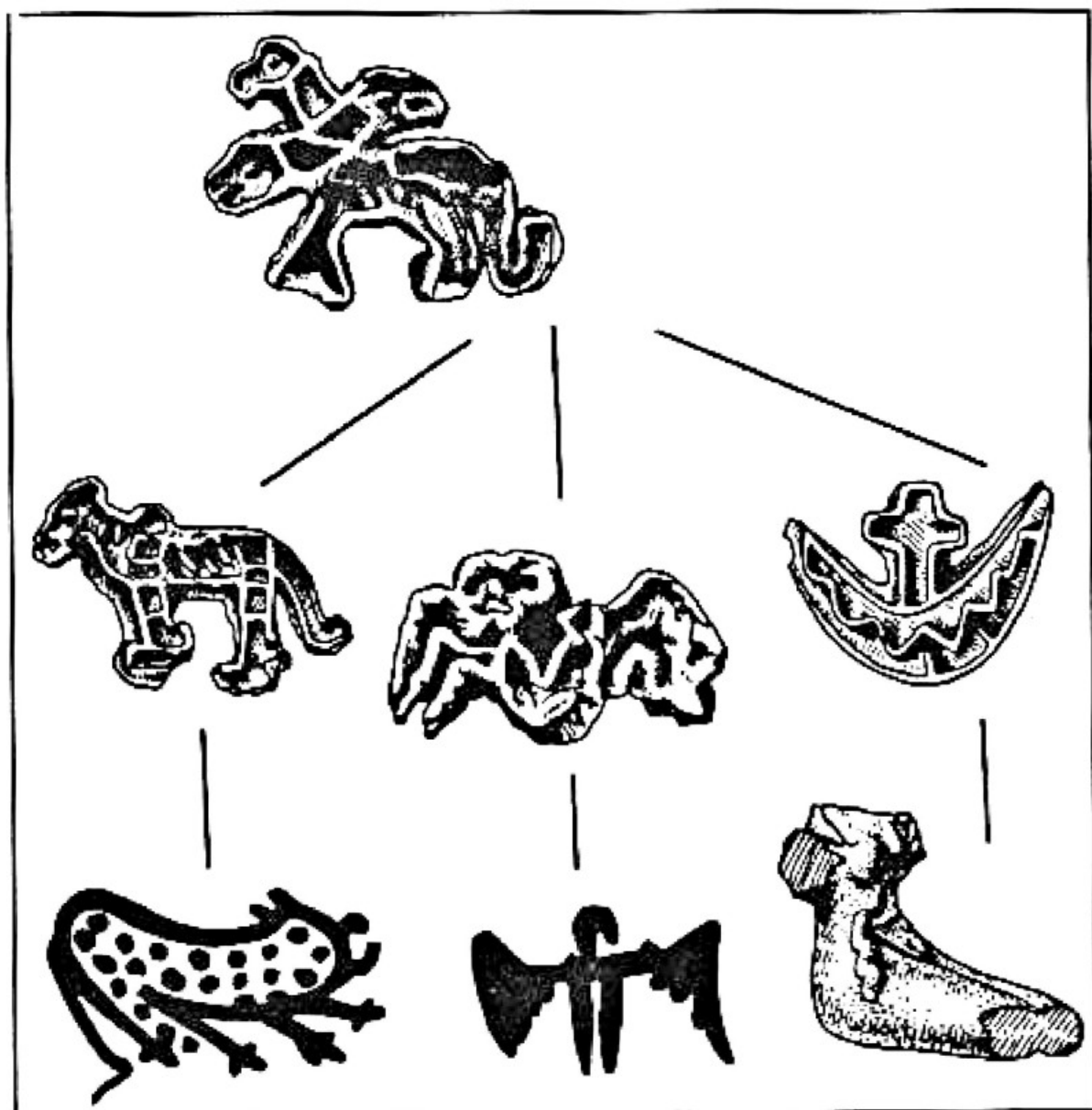

Рис. 11. Культурная инновация. Сложение образа монстра из традиционных элементов в новом сочетании (По материалам анауской культуры и Алтын-депе). Нижний ряд — изображение на неолитической расписной керамике и терракоте; средний ряд — зооморфные печати эпохи бронзы

вестное археологам на эмпирическом уровне, с позиций диалектического закона перехода количественных измерений в качественные и обратно, позволит глубже и полнее исследовать прошлое древних племен и народов и оставленных ими культур. И этническая ассимиляция, и культурная адаптация представляли собой не упрощенные механические явления, а в первую очередь именно диалектический процесс.

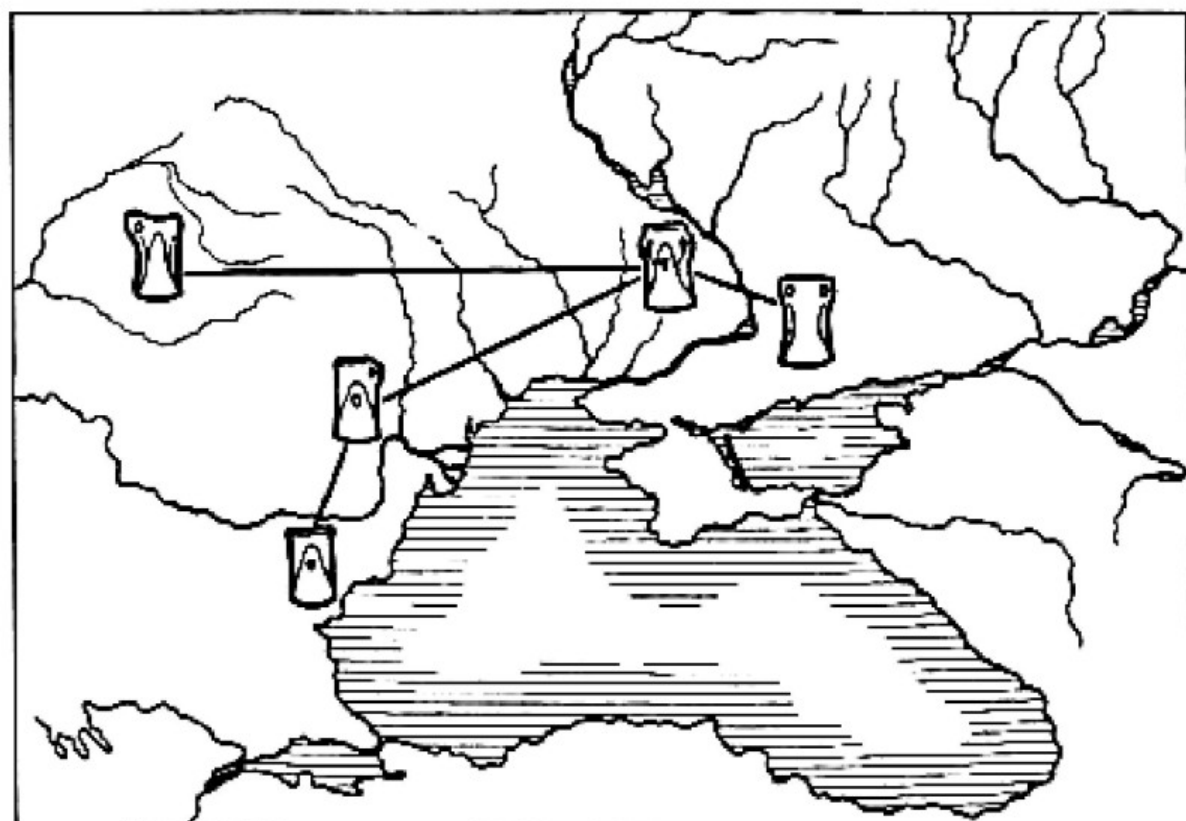

Рис. 12. Сложение новых типов кельтов из традиционных элементов (По материалам поздней бронзы Восточной Европы).
Составитель В.С. Бочкарев

Весьма важным является вопрос о природе и механизме формирования инноваций. Имманентное создание инноваций представляет своего рода культурные мутации. Механизм творческих инноваций выполняет функции мутации, но вместе с тем в данном случае речь идет не об отождествлении принципиально разных явлений, наблюдаемых в биологии и обществоведении, а об установлении между ними структурного и функционального подобия.

Смена типов артефактов представляет собой по существу фактологический скелет процесса, стадию опыта или эксперимента в археологии, закрепленную в соответствующей системе описания, где, как мы все время стараемся подчеркнуть, весьма важно использование культурологических разработок и понятий. Это значение культурологических разработок возрастает на интерпретационном уровне анализа археологических материалов. Такая интерпретация должна производиться не сама по себе в рафинированной среде абстрактных категорий, а в тесной связи с другими явлениями, с учетом всего археологического материала и всей сум-

мы содержащейся в ней информации. Процессы преемственности и инноваций представляют собой не изолированный феномен, а одно из проявлений функционирования общества. Их необходимо анализировать с учетом производственного потенциала данного общества, его социальной структуры, возможностей культурно-хозяйственной системы в целом. Так, инновации стереотипизируются, а затем интегрируются в культурную систему только в том случае, если они воспринимаются социальной средой и не происходит процесса отторжения. При анализе преемственности важно различать эпохальные, региональные и локальные традиции. Первые во многом связаны со сферой технологических достижений, что ярко видно на примере широчайшего распространения однотипных кремневых индустрий. Сфера традиции эпохального характера все более расширяется с развитием общества, особенно с распространением городского образа жизни и регулярных торговых связей. Локальные же традиции особенно важны при выделении археологических культур и таксономически близких им подразделений. При содержательном анализе причинно-следственного механизма инноваций необходимо учитывать основные сферы их проявления — технологию, обыденную культуру и идеологию. После подобной дифференцированной оценки возможна реальная постановка вопроса об источниках инноваций, которые могут быть связаны и с конкретным развитием, и с диффузией, и с единством происхождения.

Остановимся на конкретном примере, взятом из материалов, характеризующих раннеземледельческие культуры юга Средней Азии.

Сопоставление отдельных составных элементов комплексов Анау IА и джейтунской культуры позволяет наметить как определенные местные традиции, так и инновации, столь заметные на археологических материалах. Прежде всего обращают на себя внимание явления, связанные с традициями в области технологии.

Это применение в домостроительстве сырцового кирпича, введение металлургии, использование в керамическом производстве в качестве отощителя песка вместо рубленой соломы, новые виды орудий труда, появление пряслиц и мотыг. Поскольку в данном случае имеется в виду аспект развития технологии, можно было бы заключить, что перед нами результат естественной эволюции местного общества, могущего, правда, использовать и уже сложившиеся технологические приемы путем прямого заимствования. Однако заметные ин-

новации наблюдаются и в сфере культуры. Так, весьма показательна полная смена по сравнению с джейтунским периодом кремневой индустрии, рассматриваемой как устойчивое сочетание типов изделий, типов заготовок и типов обработки. В комплексе Анау 1А изменения наблюдаются по всем этим трем составляющим, что явно указывает на иную культурную традицию. О культурных инновациях свидетельствует и распространение новых композиций росписи и элементов орнамента. Показатели культурной традиционности, которые могут быть возведены к джейтунскому пласту, содержат общие для регионального типа культур раннеземледельческой эпохи элементы (мелкая пластика, фишки для игры, ступки, терки, охра в погребениях) и признаки, более тесно связываемые с традициями джейтунской культуры как устойчивой археологической общности (типы домов, элементы орнаментации керамики).

Таблица 1. Традиции и инновации в комплексе Анау 1А.

Категории объектов	Неолитические традиции	Инновации
Дома	Техника домостроительства	— +
	Подквадратные дома	+ —
	Удлиненные дома	— +
	Окраска интерьера	+ —
Погребения	Скорченное положение	+ —
	Посыпка охрой	+ —
	Ориентация	+ —
Керамика	Технология	Примесь самана Примесь песка
	Типы форм	— +
	Орнаментальные композиции	— +
	Элементы орнамента, %	25 75
Керамические изделия	Статуэтки людей	+ —
	Статуэтки животных	+ —
	Фишки для игры	+ —
	Пряслица	— —
Кремневая индустрия	Типы заготовок	— +
	Типы вторичной обработки	— +
	Типы изделий	— +
Каменные орудия	Зернотерки	+ —
	Ступки	+ —
	Ядра для пращи	+ —
	Медные изделия	— +

Естественно встает вопрос об анализе причин наблюдаемых нововведений. При этом немалое значение имеют данные погребений как источника, чутко реагирующего на этнические изменения и дающего материал для антропологической характеристики древнего населения. Погребальный ритуал джейтунских захоронений и погребений времен Анау 1А в принципе одинаков: умершие помещались в скорченном положении на боку, тела их посыпали охрой, погребения совершались на территории поселка. Для обоих археологических комплексов показательна и неустойчивая ориентировка — преимущественно на север, северо-восток и северо-запад, но в отдельных случаях и на юго-запад. Антропологический состав населения времени Анау 1А—Монджекулы—Депе, по данным погребений, в известной мере напоминает картину, устанавливаемую по сочетанию в комплексе Анау 1А местных традиций и сторонних инноваций. Наряду с типичными для раннеземледельческих культур Средней Азии и Ирана черепами, относимыми к вариантам восточно-средиземноморского европеоидного населения, здесь представлен череп, обнаруживающий дравидоидные черты, свойственные населению экваториального типа Южной Индии. Таким образом, данные антропологии говорят о возможном появлении нового населения. Это позволяет объяснить отмеченные выше культурные инновации переселением племенных групп, бывших и носителями новой технологии. Элементы, восходящие к местной неолитической традиции, в таком случае, скорее всего, отражают сложный характер процессов культурной и, видимо, этнической ассимиляции, когда местное население, частично инкорпорированное пришельцами в систему своих родовых общин, сохраняло ряд традиций, как, например, в расписной керамике. Вопрос об источнике данной информации — это уже проблемы конкретной отрасли археологической науки, занимающейся данным кругом памятников. В этом случае, по мнению большинства исследователей инноваций, этим источником были районы центрального Ирана [Энеолит СССР... С. 20].

При культурологических разработках в археологии весьма важно определять и саму направленность культурного процесса, которая, отражая сложный путь конкретно-исторического развития, также может быть различной — как с положительным, так и с отрицательным знаком. В специальной англоязычной литературе по методологии археологии существенное внимание уделяется противопоставлению крупных

изменений (macrochange) и микроизменений (microchange). Первые определяются на причинно — следственном уровне генерализованными движущими силами (prime movers), тогда как микроизменения связаны с мультилинейным характером культурного процесса, часто со случайным движением отдельных элементов как бы по типу дрейфа генов в современных представлениях биологической науки [Shogren, Ashmore, 1980. P. 531]. Однако такое противопоставление само по себе едва ли справедливо. При том уровне массовых материалов и конкретно — исторического подхода, который достигнут в археологии, разумеется, мы обнаруживаем все больше и больше черт локального своеобразия и так называемых микроизменений. При детализированной типологии артефактов в принципе можно будет выделить специфические различия в культуре соседних деревень и определить, что они обусловлены экологическими, технологическими, культурными и другими особенностями. Вырисовывается пестрая мозаичная картина древних культур и локальных подразделений, и эта мозаика становится все более пестрой, а их составляемые все более мелкими.

Это естественный и объективный процесс, отражающий прогрессивное развитие археологии, все большее приближение реконструируемых картин к реальному прошлому. Однако при более масштабном срезе мы видим, что в этой мозаике имеются и свои узоры, направленность и повторяемость которых образует особую систему. При таком срезе можно установить и макроизменения, определяемые общими закономерностями исторического процесса, находящими яркое выражение в культурогенезе.

Целый ряд понятий и направлений культурологии способствует выявлению и анализу этих общих закономерностей. Так археологические материалы позволяют изучать динамику образа жизни, где ярко выступают именно макроизменения и общие закономерности.

Г.Е. Марков характеризует образ жизни как совокупность типичных условий жизни, норм и форм жизнедеятельности, взаимоотношений людей, отношения общества к окружающей среде [Марков, 1985]. В более формализованном определении под образом жизни понимается устойчиво воспроизводимая объективация человеческой деятельности и жизнедеятельности, взятая в "фактах повседневности". При этом имеется в виду повседневная жизнь, взятая в целостности ее различных сфер и областей, начиная от трудовой деятельности и кончая бытом и досугом. Систематизация этой информации, освеще —

щающей образ жизни и его общие типологические черты древних коллективов, имеет весьма важное значение для изучения исторических процессов. Именно образ жизни позволяет изучать общие закономерности, в том числе социально-экономические, в их конкретном многообразии.

Предметный аспект повседневной жизни древних людей ежедневно и ежечасно изучается археологами, раскапывающими жилища и поселения, где чаще можно встретить рядовой, массовый материал, чем данные, отражающие экстраординарные процессы и ситуации. Систематизация этой информации позволяет реконструировать общие типологические черты, присущие отдельным эпохам. Они закономерно повторяются в разных конкретных обществах, хотя реальное воплощение этих общих черт каждый раз специфично и своеобразно.

При этом следует обращать внимание на вещный мир культуры. Нельзя не признать, что в последнее время именно вещам уделяется мало внимания и, следуя своего рода моде на формализацию, находимые археологами объекты трактуются в первую очередь как артефакты без последующего анализа стоящей за ними социокультурной сферы. Вместе с тем пристальное внимание необходимо уделять предметной сфере передачи социального опыта, стилю бытования в мире материальной культуры.

Рассматривая этот аспект археологических артефактов с выходом в серии реконструктивных операций на образ жизни, мы видим весьма примечательную картину. На решающем рубеже исторического развития, каким явился переход к земледелию, сложился принципиально новый образ жизни с относительно высокой степенью благосостояния. Благоустроенные дома сменили землянки охотников на мамонтов, вещный мир культуры совершил качественный скачок и стал набирать стремительные темпы развития, захлестывающие современное общество. Сфера прикладного искусства обеспечивает яркость повседневного быта. В этом отношении весьма показательна орнаментированная керамика, по большей части расписная, столь характерная для культурных комплексов раннеземледельческой эпохи. Сложные семантические пучки, сконцентрированные в ряде композиций, отнюдь не случайны. Это было конкретное проявление художественной формы передачи информации в дописьменную эпоху. Космогоническая и мифологическая символика расписной керамики составляла неотъемлемую черту жизненного уклада, играла огромную роль в воспитании поколений, в закреплении при-

пятого в данной среде поведения и образа мышления. Таким образом, перед нами прямое отражение соционормативной подсистемы. Подобного рода изменения в образе жизни могут быть выявлены в ряде других аспектов культурного комплекса раннеземледельческой эпохи.

В эпоху формирования обществ сложной социальной стратификации и первых цивилизаций происходит дифференциация образа жизни. Рост благосостояния и удовлетворения широкого спектра потребностей особенно резко проявились в образе жизни групп людей, или социальных страт, обладающих разной долей общественного богатства. Эта дифференциация образа жизни находит отражение в жилых комплексах, бытовом инвентаре, погребальных обрядах и даже в развитии специализированных производств. В результате происходит сложение элитарной субкультуры, связанной с новым вариантом образа жизни и лишней раз подчеркивающей значение качественного рубежа, с которого начинаются классовые общества.

Важным аспектом в изучении поступательного развития человеческого общества являются исследования культурного прогресса. Этому вопросу уделяется особое внимание в философской литературе [Культурный прогресс..., 1984], ему был посвящен специальный симпозиум в Ереване, на котором рассматривались конкретные археологические материалы [Культурный прогресс..., 1982]. Прогресс рассматривается как тип и направление развития от менее совершенного к более совершенному, но не всегда эти изменения ведут к структурному усложнению. Наблюдается как прогресс системы в целом, так и прогрессивное развитие отдельных ее компонентов. Диалектический характер развития определяет и то обстоятельство, что прогресс системы в целом включает в себя одновременно регресс отдельных ее элементов, связей и функций. Соответственным образом регресс характеризуется как тип развития от высшего к низшему, как деградация, понижение уровня организации, возврат к пережившим себя формам и структурам. Сложный, противоречивый характер исторического и культурного прогресса заставляет с вниманием отнестись к обеим категориям, характеризующим происходящие изменения. При общем поступательном характере хода мировой истории нам известны яркие примеры упадка, дезинтеграции, возврата на более низкий уровень развития. Таковы упадок хараппской цивилизации и крито-микенского общества Греции, когда от структур раннеклассового типа и государства произошел возврат к первобытной эпохе с уте-

рей ряда существенных компонентов социокультурной системы, в частности, письменности. Почти столь же впечатляюще резкое замедление темпов развития с утратой ряда высокоорганизованных элементов культурной системы происходит на Балканах, где поразительный расцвет раннеземледельческих культур эпохи энеолита, включающий социальную дифференциацию, нашедшую отражение в варненском некрополе, сменяется бедными комплексами эпохи бронзы. Видимо, ранние земледельческо-скотоводческие и скотоводческо-земледельческие общества юга Балкан и прилегающих областей, приблизившись в разной степени к порогу цивилизации, исчерпали в данной природной и исторической ситуации возможности конкретных культурно-хозяйственных систем, после чего наступает общественный катаклизм и наблюдается культурный регресс. При социологической интерпретации эти раннеземледельческие культуры можно рассматривать как ранние комплексные общества (См. далее раздел 3). М.Г.Гаджиев на археологических материалах убедительно доказал культурный регресс, имевший место в Дагестане на одном из этапов палеометалла [Гаджиев, 1991]. Возможно, это явление имеет для Северного Кавказа общерегиональный масштаб, характеризуя весь постмайкопский период.

Культурный прогресс при определенной специфичности его параметров не представлял собой закономерного или изолированного явления, а обуславливался прогрессом в социальной сфере и в экономике. Оптимизация (для своей эпохи) производительных сил была важной его предпосылкой. Сама социальная структура образовывала творческий фон (в зависимости от ситуации как позитивной, так и негативной), на котором шло формирование художественных и культурных ценностей, вносились воплощавшиеся в них идеи и образы.

Показательна динамика культурного прогресса в разных зонах в эпоху палеометалла. В поясе земледельческо-скотоводческих культур аридной зоны масштабное введение металла в культуру не знаменовало кардинальных изменений, а скорее, зафиксировало максимальный расцвет уже сложившейся культурной системы. В степной зоне Евразии и ряде примыкающих к ней областей прогресс в эпоху палеометалла был особенно впечатляющ. Прежде всего, что особенно важно, он наблюдается в сфере производства материальных ценностей, где прогресс производственных процессов связан в первую очередь с их большой эффективностью и повышением производительности труда. Немалую роль здесь сыграв-

ло использование такого величественного источника энергии, как тяговая сила животных. Но решающее значение в прогрессе производств этой эпохи сыграло развитие горного дела, металлургии и металлообработки с ее дифференциацией на такие отрасли, как специализированная деятельность кузнецов, литейщиков, ювелиров, оружейных мастеров. Для огромной зоны вне рамок Древневосточной ойкумены это было технологическое основание второго крупного общественного разделения труда. Новая технология, особенно литье, позволяла быстро получать стандартные серии орудий, легко поддающиеся тиражированию. В данном случае резкое повышение производительности изготовления орудий труда, а не производительность самих орудий, иногда уступающих в этом отношении изделиям с наборным кремневым рабочим краем, было решающим и определяющим фактором прогресса.

Важной чертой культурного прогресса эпохи палеометалла было повышение уровня коммуникабельности и темпов распространения информации. Необходимость обмена и широких контактов была заложена уже в самом материальном производстве эпохи бронзы, употреблявшем различные металлы, залежи которых распространены гораздо реже, чем выходы кремня или обсидиана. Усилению разного рода связей способствовало и развитие колесного транспорта. Значительное развитие получает знаковая форма коммуникаций, причем особое значение приобретают разного рода символы. Целый ряд символических, или, как обычно они характеризуются в археологической литературе, культовых предметов способствовали накоплению, закреплению и передаче опыта, превращенного из индивидуального в социальный. Эта сторона культуры, широко представленная в археологических материалах, еще не исследована должным образом. Достаточно указать на так называемые штандарты, булавы и жезлы, известные и в Майкопе, и в Гисаре, и в Аладжа-Хююке, и в палестинских комплексах. Поскольку связь символа с символизируемым явлением, как правило, мотивирована, сами символы становятся фокусом, видимым сосредоточением более или менее отвлеченных истин. Здесь нашли прямое отражение процессы, происходящие в соционормативной подсистеме древних культур.

Нельзя не отметить, что исторический тип культур, сложившихся в результате прогресса в эпоху палеометалла в степной зоне Евразии, отличается повышенной степенью общности. Эта возросшая общность связана и с единством тех-

нологии, органической частью которой было развитие обмена, и с более оживленным общением, облегчаемым прогрессом транспортных средств. Имело место и прямое передвижение значительных групп населения. В результате технологические, культурные и идеологические инновации, определяющие в сумме направленность прогрессивного развития, сравнительно быстро распространяются на огромных территориях. Скорость этого распространения скачкообразно возрастает с широким использованием верхового коня.

Культурологические аспекты имеют немаловажное значение и при исследовании процесса формирования первых цивилизаций по материалам археологии. Наряду с коренными переменами в сфере социально-экономических отношений и социально-политических структур период формирования цивилизации отмечен кардинальными, качественными изменениями в сфере культуры. Причинно-следственные связи этих процессов с культурой через посредство инноваций привели к сложению качественного нового культурного комплекса, который, собственно, и есть цивилизация. Для культуры большей части первобытной эпохи был характерен традиционализм, когда наблюдалось в основном повторение процесса в прежнем объеме и на прежнем техническом основании. Теперь многие компоненты культуры подвергаются трансформации в результате утверждения в обществе новой технологии и новых моделей действий. В предметном мире культуры, известном нам в его археологической выборке, это наблюдается в появлении и широком распространении новых типов артефактов.

При рассмотрении культуры эпохи формирования цивилизации можно видеть, что инновации охватывают в равной мере сферы технологии, быденной культуры (в значительной мере связанной с образом жизни) и идеологии. В области технологии основные изменения происходят в сфере ремесел, в которой, например, для Ближнего Востока наибольшую роль сыграли нововведения в металлургии, гончарном производстве и строительном деле. Успехи теплотехники, применение новых инструментов (гончарный круг и др.) привели к тому, что все большее распространение получает такая форма стереотипизации культурных явлений, как стандартизация. В строительном деле, где широко осваивались высотные и монументальные постройки, также наблюдается стандартизация, выработка канонов и модулей, происходит становление архитектуры в собственном смысле слова.

В соответствии с новыми ценностными ориентациями, утверждающимися в обществе, новые технические возможности реализуются как дифференциация и специализация ремесел. Среди ремесел в особые производства выделяются оружейное дело, глиптика, ювелирное производство. Недаром уже в письменных документах Урука IV упоминаются не менее 80 различных должностей и профессий.

Важное значение имели новые потребности в уровне коммуникации и особенно качественный скачок объема информации, подлежащей хранению и передаче для обеспечения функционирования общества как сложной социальной и хозяйственной системы. В результате складывается письменность, развиваются различные виды транспорта и прежде всего колесных экипажей. Последние обеспечивали новый объем хозяйственных, культурных и политических связей и взаимодействия: от транспортировки сырья до переброски воинов. Возрастает многообразие информационных каналов, в числе которых немаловажное значение приобретают регулярные ярмарки, храмовые празднества и другие массовые обрядовые действия.

На обыденной культуре помимо роста общего благосостояния, удовлетворения потребностей широкого спектра особенно резко отразилось выделение групп лиц или социальных страт, обладающих различной долей общественного богатства. Это видно по дифференциации образа жизни, отраженного в жилых комплексах, бытовом инвентаре и погребальных обрядах.

Возрастающая специализация деятельности способствовала отделению умственного труда от физического. Об этом помимо появления школ писцов свидетельствует развитие неприкладного искусства, оставившего подлинные шедевры индивидуального художественного творчества. В условиях усиливающейся социальной дифференциации из утилитарных и престижно-знаковых функций инноваций все большее значение приобретают вторые. При этом престижность воспринимается в основном не как личный авторитет, а как принадлежность к определенному общественному слою, что закрепляется и в мире вещей.

В сфере идеологии также идет выработка новых стереотипов в связи с институализацией власти и сакрализацией должности и функций правителя. При этом часто используются элементы привычных для общинных масс аграрных культов и мифологических схем мироздания.

Исходным пластом культурного комплекса цивилизации, в котором инновации представлены столь широким спектром, была культура первобытного общества, но этот исходный пласт претерпел кардинальную трансформацию. Формирование инноваций шло двумя путями: через изобретение, или культурную мутацию, и через заимствование, или метисацию. Первый путь имеет особое значение. Независимое создание инноваций, или культурная мутация, носит сложный, диалектический характер и включает, как отмечалось выше, аспекты преодоления, сохранения и восхождения на новый, более высокий, этап. Без глубокого изучения этого механизма невозможно понимание закономерного характера возникновения и развития первых цивилизаций, формирующихся в совершенно различной культурной среде и на гигантском территориальном удалении.

Разумеется, это отнюдь не умаляет значения факта культурного заимствования, особенно широко представленного во вторичных цивилизациях, где оно наблюдается в сфере технологий, утилитарных объектов, а также в сфере престижно-знаковой. Однако такое заимствование, как правило, происходит на основе селекции, которая обеспечивает адаптацию заимствований и сводит к минимуму реакцию отторжения местной социокультурной средой.

Для изучения археологических материалов обществ сложной социальной структуры весьма важное значение имеет различие утилитарных и престижно-знаковых функций культурных инноваций, т.е. явлений, связанных с соционормативной подсистемой. Определенные явления и объекты, заимствованные при престижном перепаде, могут и не иметь утилитарного значения, поскольку заимствование идет в среде элитарных слоев населения, для которых заимствованные инновации служат средством утверждения своего особого положения в данной социокультурной среде. Этим обстоятельством следует объяснять широкое распространение на определенном этапе престижно-знаковых символов, например уже упоминавшихся жезлов и штандартов и других элементов, связываемых с представлениями об особом, более высоком или, во всяком случае, более престижном образе жизни. Как отмечает С.А.Арутюнов, Япония, например, пережила два периода интенсивного заимствования культурных инноваций: первый — на протяжении VI—VII вв., когда шло освоение ряда корейско-китайских эталонов, и второй — в конце XIX — начале XX вв. под влиянием европейских стандартов. Каждый раз массивный поток инноваций проникал

прежде всего в быт господствующих классов и слоев [Арутюнов, 1978. С. 107]. Показательно совпадение этих периодов с решающими рубежами социально-экономического развития — становлением классового общества и государства в первом случае, когда, кстати, этими же факторами было обусловлено распространение и насаждение буддизма как новой государственной религии, и формированием капиталистического общества — во втором. По материалам археологии подобное распространение культурных инноваций, в том числе и престижно-знаковых или сохранивших лишь эту свою функцию, хорошо прослеживается на завершающих этапах первобытного строя, когда повсеместно происходит выделение военной аристократии и идеологических лидеров.

Здесь мы подходим к важнейшей особенности культуры поры первых цивилизаций — ее внутренней дифференцированности, связанной с выделением элитарной субкультуры, от образа жизни до идеологии. По сути дела, эпоха первых цивилизаций и была тем первым периодом, когда отчетливо произошло расщепление единого культурного потока в условиях формирования общества социального неравенства и классовых противоречий. Типы объектов, входящие в состав элитарной субкультуры, по идее и принципу обычно взяты из массовой, народной культуры, но переработаны профессиональными мастерами согласно запросам социальной среды. Это был один из важнейших путей формирования культурных инноваций в этот период и создания качественного нового культурного комплекса. Зачастую подобные стереотипы с течением времени теряли элитарный, престижно-знаковый характер и, по образному выражению С.А. Арутюнова, спускаясь по социальной лестнице вниз [Арутюнов, 1979. С. 31], вновь становились элементами всеобщей, народной культуры.

Выделение особой подсистемы элитарной субструктуры составляет специфическую черту культурного комплекса первых цивилизаций. Можно использовать для характеристики культуры этого периода и такой прием, как коэффициент актуализации. Он был предложен для характеристики художественной культуры [Бернштам, 1978], но может иметь и более широкое значение. Имеется в виду мера актуализации предшествующего опыта. В тех случаях, когда актуальным признается все наследие, то создается "абсолютно консервативная культура" с коэффициентом актуализации, равным единице. Такое положение характерно для большинства этапов развития первобытного общества. И наоборот, когда ничего из созданного ранее не используется и признаются

актуальными лишь вновь создаваемые ценности и эталоны, формируется, разумеется, в виде творческой модели, "абсолютно новаторская культура" с коэффициентом актуализации, равным нулю. При таком подходе коэффициент актуализации культурного комплекса первых цивилизаций, насыщенный инновациями во всех основных сферах (технология, обыденная культура, идеология), может быть определен как равный приблизительно 0,5. Это обстоятельство, как и формирование элитарной субкультуры, позволяет характеризовать культуру первых цивилизаций как качественно новое направление. Сложение цивилизаций, скорее всего, с точки зрения культурогенеза можно рассматривать как своего рода культурную революцию, находящуюся в теснейшей причинно-следственной связи со становлением классового общества и государства. Вместе с тем культурные инновации, определяющие, каково бы ни было их происхождение, принципиально новый облик первых цивилизаций, пройдя стадию культурной интеграции, сами становятся традиционными элементами Старого и Нового Света. Некогда динамичные и передовые, эти культурные комплексы, пройдя порог инноваций, становятся традиционными и, как мы знаем по Древнему Востоку, консервативными в большинстве форм своего проявления.

Бесспорное величие культурных достижений первых цивилизаций не должно заслонять того факта, что их фундаментом была глубокая социальная и культурная разобщенность общества и оформление этой разобщенности в специфические культурные эталоны и модели с высоким коэффициентом престижности составляло сущность эпохи и происшедших перемен. Начинался долгий и трудный путь развития культуры через полярные, хотя нередко и взаимопроникающие системы противостояния.

Культурные ценности, создававшиеся в эпоху первых цивилизаций, зачастую не выходили на широкую арену, оставались достоянием определенных слоев и профессиональных групп. Уже сама сложность систем древнейшей письменности резко ограничивала распространение грамотности. Узость социальной базы прогрессивных влияний в культуре обуславливала и внутреннюю слабость древнейших цивилизаций, порой исчезающих как культурный феномен с перерывом традиций в целом ряде сфер культурного прогресса.

Наряду с восстановлением и изучением отдельных сторон и типов развития древних культур весьма важна и более масштабная реконструкция процесса культурогенеза как основополагающей всемирной истории. При этом существенно

очертить исходные методологические позиции, определяемые современным состоянием соответствующих разработок в областях как гуманитарного, так и внегуманитарного знания. Неизменно присутствующая в человеческом мышлении идея развития получила в XIX в. классическое выражение в учении Ч. Дарвина, рассматривавшего этот процесс как постепенный или градуалистический. Бурное развитие в XX в. биологии, особенно популяционной генетики, привело к созданию так называемой синтетической теории эволюции, характеризующей этот сложный процесс и его внутренние закономерности. Как опыт объясняющей модели, некоторые положения этой теории представляют несомненный интерес для изучения процессов культурогенеза, хотя целый ряд особенностей в данном случае носит качественно иной характер, будучи связанным с такой сложной структурой, как человеческое общество с его социальными приоритетами в культуре и психологии. Таково, в частности, расчленение макроэволюции и микроэволюции. Совершенно ясно, что макроэволюция намечает генеральные вехи развития культуры, идущего в глобальном масштабе, как поступательное прогрессивное движение. Это находит отражение в установлении эпохального типа культур, как, например, культуры первых цивилизаций, о чем уже говорилось выше. В рамках этого типа макротипологического среза развиваются эпохальные типы культур и культурные комплексы, которые могут быть асинхронными и абсолютно не связанными между собой. Развитие отдельных культур и их подразделений как раз и отражает всю сложность конкретно-исторического процесса и может рассматриваться как микроэволюция.

Создатели синтетической теории эволюции различали три формы процесса видообразования, развертывающиеся во времени. Первое — это анагенез, процесс прогрессивного развития группы, не обязательно связанный с ее распадом на отдельные ветви. Образцом анагенеза является эволюция человека через *Homo habilis* к *Homo sapiens*. Вторая форма — это стасигенез, процесс длительного сохранения вида, или таксоны, без прогрессивно направленного развития (без анагенеза) и без дивергенции (без стасигенеза). В культурогенезе это явление можно наблюдать при застывшей стабильности культур в условиях жесткой адаптации к данным экологическим нишам. Классическим примером могут служить австралийцы, где культурный гомеостазис был нарушен лишь резкими внешними воздействиями.

Важное значение имеет положение о том, что замкнутость вида обеспечивается целой системой барьеров, изолирующих механизмов, блокирующих процесс эволюции. В культурогенезе — незе роль таких консервантов играли традиции, судя по всему особенно устойчивые и отторгающие внешние воздействия на ранних этапах развития общества. Этим, в частности, можно объяснить долгое сосуществование верхнепалеолитических комплексов без видимых признаков взаимодействия в Костенко — Борщевском микрорайоне.

Наряду с постепенным, градуалистическим развитием в процессе культурогенеза имели место быстрые и резкие скачки, когда на основе мутации формировались новые наборы типов артефактов, знаменуя наступление качественно нового периода, или эпохи.

Подобное импульсивное развитие хорошо отражается в ритмах культурогенеза. При этом на процессе развития культур складывались экологические стремления, миграции и колонизация, военно — политическая ситуация и торгово — обменные связи. Например, на юго — западе Северного Причерноморья наблюдается, по крайней мере, три пика оптимизации культурогенетических процессов [Ритмы культурогенеза..., 1992]. Иногда отмечаются и некие центры интенсивного формирования инновационных моделей, которые В.С.Бочкарев предложил именовать очагами культурогенеза. Именно здесь впервые оформились такие нововведения, как оловянные, бронзовые, каменные, литейные формы и метод литья "слепой" втулкой [Бочкарев, 1991].

О существовании таких центров, где в благоприятной ситуации реализовался творческий потенциал общества, можно говорить практически для всех исторических эпох. Так, в эпоху верхнего палеолита на европейском материке мощным центром формирования культурных моделей и эталонов был, безусловно, пиренейский очаг, прославившийся памятниками искусства и пещерными святилищами. Граветтийские технические инновации и эталоны мелкой пластики на определенном этапе могли быть связаны с приальпийским очагом культурогенеза, сыграв решающую роль в формировании так называемого "костенковско — виллендорфского культурного единства". В раннеземледельческую эпоху на Ближнем Востоке творческий очаг культурогенеза явно тяготеет к областям Восточного Средиземноморья, возможно, с включением восточных горных районов Малой Азии. Здесь расположены такие поселения этого времени, как Иерихон, Читал — гуок, Чейюню — тепеси и многие другие. Именно здесь формирова —

лись стандарты строительной техники с покрытием полов алебастровой обмазкой и окраской интерьера в различные цвета, в первую очередь в красный и черный. Эти стандарты представлены даже на далекой окраине ближневосточной раннеземледельческой ойкумены в среднеазиатском Джейтуне. Для лесной зоны Восточной Европы важную роль сыграл прионежский очаг культурогенеза. С освоением этой экологической ниши неолитическими охотниками и рыбаками здесь ярко развивается материальная культура, создаются замечательные образцы наскального искусства и сложные мифологические системы, воспроизводимые в галереях наскальных рисунков Восточного Прионежья и Беломорья.

Общественный прогресс привел к выделению лидеров с жреческими функциями, как это видно из материалов Оленеостровского могильника. Недаром некоторые исследователи, как, например, Д.А. Крайнов, считают, что в этих краях в V—IV тыс. до н.э. лежал исходный центр формирования культур гребенчато-ямочной керамики. Подобные очаги интенсивного культурогенеза неизменно возникали и угасали в разных регионах на протяжении различных исторических эпох.

3. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Важным разделом исторической науки является социологическая интерпретация обширных материалов, получаемых исследователями в ходе полевых работ и организуемых в рамках археологической систематики. К этой сфере, которую можно именовать социологической археологией, следует отнести вопросы реконструкции экономических, общественных и идеологических структур древних обществ, производимой на основе археологических материалов как в плане определения общих закономерностей, так и частных явлений и процессов [Массон, 1976]. Конкретный материал, уже систематизированный на уровне археологической интерпретации, может быть заново подвергнут типологизации и классификации в соответствии с задачами, представленными при разработке блока социологического объяснения этих данных. При гипотезо-дедуктивном подходе важную роль играет привлечение исторических и этнографических аналогий или моделей, касающихся не конкретных отдельных явлений, а целых систем, функционирующих тем или иным образом. Обычно под аналогией подразумевается лишь заключение, ведущее к гипотезе. Но в практике мышления аналогия часто используется и для доказательства.

При социологической интерпретации материалов археологии этнографические данные следует использовать с учетом культурно-хозяйственного типа сравниваемых обществ. Привлечение сведений о культурно-хозяйственных типах, хорошо освещенных этнографией, в качестве модели при характеристике отдельных сторон жизни древних обществ, известных лишь по материалам археологии, и представляет собой один из вариантов использования аналогии, являющейся в данном случае аналогией качеств и свойств, в отличие от морфологического подобия, используемого в археологической систематике.

Остановимся на некоторых вариантах социологической интерпретации, направленной на характеристику древних хозяйственных и общественных структур.

Если рассматривать различные способы получения продуктов питания, то в пределах хозяйственных систем четко выделяются четыре основных элемента: сам объект эксплуатации (те или иные виды растительности и животного мира); орудия труда (средства труда), с помощью которых осуществляется получение и обработка соответственных продуктов

питания; природная среда, где протекает данный хозяйственный процесс; наконец, сам человек — основа производительных сил, центр, объединивший своей деятельностью все остальные элементы, а уровень интеллектуального и профессионального развития во многом определял способ хозяйства.

Исходя из этого, при реконструкции хозяйственных систем древности необходимо опираться на разные виды источников, содержащих информацию о соответствующих составных элементах. Таковы прежде всего фаунистические и растительные остатки, изученные всесторонне — с определением видов, числа особей, их возраста, частей туш, шедших в употребление. Особенно важен анализ древних орудий труда с функциональной точки зрения, с ориентировочной оценкой их эффективности и производительности, устанавливаемых в ходе экспериментов. Экспериментально-трасологические исследования позволяют оценить трудовые затраты на изготовление орудий различных типов, также трудовые затраты в отдельных отраслях производства и на все производственные операции в целом [Семенов, Коробкова, 1983]. Наконец, необходимым условием является реконструкция древней природной среды — определение плодородия эксплуатируемых почв, биотипов олацливаемых животных, оценка биомассы исследуемого региона. Следует подчеркнуть, что наибольший эффект дает совместное использование всех видов источников, открывающее большие возможности для корреляции и взаимной проверки.

Древнейшим способом получения продуктов питания была охота, являющаяся в сочетании с более трудно улавливаемым собирательством базисом развития первобытных коллективов на протяжении сотен тысячелетий. Яркий материал для реконструкции охотничьей деятельности древнего человека дают ашельские стоябища в Испании — Торральба и Амброн. Основным объектом охоты был лесной слон, мясо которого составляло 4/5 продуктов питания охотников. Судя по остаткам, добывалось много молодых особей и детенышей слонов. Среди находок мало черепов и костей конечностей, что свидетельствует о предварительной разделке туши на месте добычи. Охотничье оружие представлено обломками рогатин, употребление которых требовало деятельного сближения с поражаемым животным. Окружающая среда представляла собой суббореальные леса с открытыми болотистыми низинами. По культурно-хозяйственному типу обитатели Торральбы и Амброны могут быть отнесены к группе бродячих охотников и собирателей, обитавших в лесах и са-

ваннах, что позволяет использовать в качестве этнографической модели способы добычи слонов, осуществляемой рядом африканских племен. Она велась с помощью ям, вырытых на пути продвижения стада, причем в незамысловатые ловушки чаще всего попадали молодые особи. Для этого использовались также естественные углубления, топкие низины и заболоченные берега водных протоков. Судя по всему, именно такой способ применялся и ашельскими охотниками Испании, добывавшими попавших в ловушки молодых животных с помощью рогатин. Показательно, что стоянка Торральба сама расположена на берегу болота.

В пору верхнего палеолита с развитием дистанционного оружия — дротиков и копий, дальность полета которых увеличивалась с применением копьёметалок, получают распространение облавные охоты. В зонах холодных перигляциальных степей объектами такой охоты были, в частности, зубры. Так, огромное стадо зубров в районе Амвросиевки на Украине было загнано в овраг и безжалостно уничтожено. Всего здесь насчитывается 983 животных, причем нормальное соотношение самцов, самок и детенышей свидетельствует о значительном количестве загонщиков, как полагают некоторые исследователи, — около 100 человек. Скелеты зубров в самых нижних рядах лежат в анатомическом порядке и вообще не были использованы человеком. Это одна из черт облавных коллективных охот — бесцельное истребление животных в размерах, превышающих возможности их рационального использования.

Обратимся теперь к способам производства продуктов питания. Динамика земледельческого хозяйства аридной зоны может быть восстановлена на основании материалов VII—VI тыс. до н.э. из района Дех—Луран в Юго—Западном Иране. Здесь на первом этапе зерна пшеницы составляют около 4% растительных остатков, что само по себе свидетельствует о небольшой роли земледелия, представляющего лишь уклад в комплексной экономике охотников, собирателей. Имеются вкладыши серпов, но наконечники мотыг отсутствуют. В условиях засушливого климата с малым количеством осадков (около 300 мм в год) дальнейший прогресс мог идти только по линии формирования орошаемого земледелия. Действительно, на втором этапе зерна domesticированных видов пшеницы и ячменя составляют уже 40%. Анализ флоры указывает на наличие заболоченных протоков и стоячих вод в зоне затухания подгорных ручьев. Каменные наконечники мотыг по—прежнему отсутствуют. В данном случае можно

говорить о лиманном земледелии, использующем для посевов влажные участки в зоне разлива паводковых вод, где требовались лишь простейшие землекопные орудия типа палок-копалок. Наконец, на третьем этапе, относящемся ко второй половине VI тыс. до н.э., болотистая флора исчезает, появляются каменные наконечники мотыг, а также шестирядный ячмень, возникновение которого ботаники связывают именно с мутациями в условиях искусственного орошения. Тяжелые мотыги с каменными наконечниками в таком случае могли использоваться для проведения первых оросительных каналов. Так все группы источников указывают на смену лиманного или болотного земледелия земледелием с искусственным орошением полей.

При изучении древних скотоводческих систем определенные трудности вызывает такой их составной элемент, как орудия труда. У скотоводов они достаточно примитивны и, как правило, изготавливались из неорганических материалов. Могут быть привлечены материалы, связанные с обработкой продуктов скотоводства, — разного рода маслобойки и набор орудий для обработки шкур, четко определяемый методами трасологического анализа. Правда, эти орудия нейтральны по отношению к происхождению самого сырья, которое могло быть продуктом как охоты, так и скотоводства. Но остеологические свидетельства позволяют надежно использовать и эту группу орудий. Сопоставление палеоэкологических, остеологических данных и материалов по орудиям труда позволяет восстановить динамику развития скотоводческих систем на Ближнем Востоке и в степной зоне азиатского материка (Рис. 13). У истоков этого важного способа производства продуктов питания стоит горное скотоводство, с козой как основным объектом эксплуатации и с перемещением стад по высокогорным пастбищам и подгорным долинам (Джармо, Сораб в Курдистане). Разнообразные наборы скребков для обработки шкур в эту пору особенно многочисленны. С освоением различных экологических ниш и увеличением числа пород домашнего скота формируются различные формы скотоводческого хозяйства. В аллювиальных низменностях Месопотамии и Элама (IV тыс. до н.э.) складывается мясо-молочное хозяйство с преобладанием в составе стада крупного рогатого скота; в степных и полупустынных областях типа Южного Туркменистана в это же время утверждается огненное скотоводство, где доминанта принадлежит овце. Первые овцы со слабым развитием подшерстка не могли обеспечить широкое развитие ткачества. Выведение тонкорунных пород

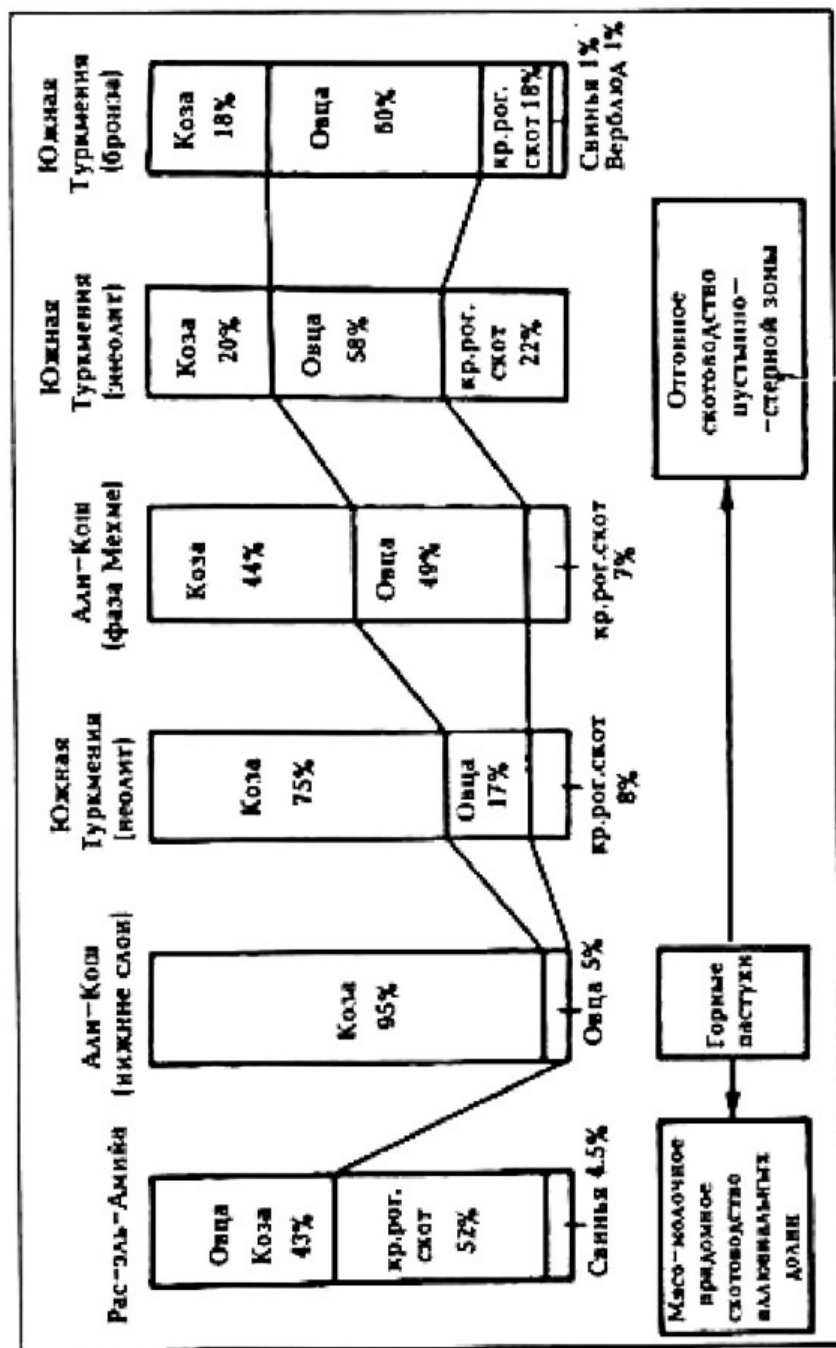

Рис. 13. Изменение состава стада на Ближнем Востоке и в Средней Азии в VII—II тыс. до н.э.

овец интенсифицировало развитие ткачества — глиняные и каменные прясла встречаются теперь в изобилии. Пастушеское огненное скотоводство степной Азии со II тыс. до н.э. все шире использует лошадь и к первой трети I тыс. до н.э. эволюционирует в кочевое скотоводство, связанное с новым образом жизни, резко проявившимся во всех сферах культуры.

Особую группу производства составляют домашние промыслы и ремесла, лежащие вне сферы получения продуктов питания, но приобретающие с культурным прогрессом и ростом благополучия все большее значение. Для реконструкции этих видов производственной деятельности важен учет трех обстоятельств. Первое — это уровень профессионализма, проявляющийся в технологических особенностях производств (что может быть установлено с помощью разного рода химических и физических анализов) и в устойчивой связи мастеров — профессионалов с орудиями труда, ярким образцом чего в археологических материалах являются т.н. погребения ремесленников. Второе — это определение территориального расположения производств на поселении как отражении форм их организации в древности. Здесь источником служат как остатки самих производств, так и распространение связанных с ними орудий труда. И, наконец, третье важное обстоятельство — установление наличия развитого обмена или торговли самими продуктами производства, что, в частности, видно по появлению и распространению торговых кладов.

Число жилищ этих малых семей и количество производственных площадок на верхнепалеолитических памятниках Восточной Европы (Мезин) практически одинаково. В специальной литературе по палеолиту нередко говорится о мастерских и даже стоянках — мастерских. Однако с точки зрения политэкономии это были не те мастерские ремесленников профессионалов, которые характерны для высоких ступеней развития, а традиционные рабочие площадки, где систематический труд членов общины приводил к накоплению производственных остатков.

На раннем этапе развития земледельческой культуры производства становятся технически разнообразными — по является глиняная посуда, многочисленными и весьма различными по материалу становятся украшения. Однако сохраняется децентрализация этих производств по малым семьям, что свидетельствует об архаическом уровне организации этих производств как общественных явлений. В полностью раско-

панном раннеземледельческом поселении Джейтун в Южном Туркменистане из 30 хозяйственно — жилых комплексов в 27 хозяйствах вели обработку шкур, в 25 — обработку дерева, в 20 — изготавливали кремневые орудия (Рис. 14).

С усложнением технологии производств, требующей все большей специализации, что ярко видно на примере металлургии и металлообработки, характер размещения производств на памятниках меняется. Появляются специализированные производственные участки и даже особые "дома мастеров" — керамистов или металлургов, обычно по одному на одном поселении (Хаджилар V тыс до н.э. в Южной Турции, Амиранис — Гора IV тыс. до н.э. в Закавказье). Для объяснения этого явления была использована этнографическая модель, свидетельствующая о работе мастера — профессионала в сельской общине, обслуживающего членов своей общины не путем купли — продажи, а в силу своего членства в данной общине. Соответственно этот мастер — профессионал равноправно участвовал при распределении продуктов сельскохозяйственного труда. Этот важный этап развития производств получил в советской археологии наименование "общинное ремесло".

На следующем этапе специализация производств все возрастает, усложняется технология, для овладения которой требуется длительное обучение. В результате происходит крупное общественное разделение труда — отдаление ремесла от земледелия. Соответственно важные изменения происходят и в пространственной локализации — на поселениях выделяются крупные производственные центры, целые мастерские или кварталы ремесленников. На южно — туркменистанском протогородском центре конца III — начала II тыс. Алтын — Дене квартал ремесленников занимает территорию около 2,5 га. Обособляются ремесленные мастерские на поселении среднеэладского времени Дорион IV, на городищах раннесиньского Китая. Эти специализированные производства уже обслуживают широкий круг потребителей, в том числе за пределами данной культурной общности, что осуществляется посредством торговли.

При реконструкции обмена и торговли как экономических явлений древних обществ археологический материал позволяет прежде всего говорить о пространственном перемещении объектов от мест добычи или изготовления. Факт такого перемещения, а также локализации исходного центра может быть надежно установлен разного рода технологическими анализами. Важным методом изучения здесь служит археоло —

Рис. 14. Поселение Джетун. Распространение орудий связанных с домашними производствами

гическое картирование. На содержательном уровне следует различать обмен сырьем, обмен предметами украшения, обмен орудиями труда и оружием. Так, изучение распространения обсидиана на Ближнем Востоке в VIII—VI тыс. до н.э. показало, что он перемещался в значительных объемах на расстоянии до 600 км. Например, на Джармо было доставлено из малазийских источников почти 2 т этого материала, шедшего на изготовление орудий труда. Этнографическая модель обменных операций первобытных племен Австралии указывает на такой способ доставки сырья, как торговые экспедиции, получавшие на определенный срок право экстерриториального продвижения. Имелись и другие формы обмена, но все они ориентированы в первую очередь на потребительскую стоимость товара, представлявшего интерес для приобретающего его лица в данной конкретной ситуации (Рис .15).

В раннеземледельческую эпоху в регулярный обмен вовлекаются украшения и материалы для их изготовления — раковины, редкие минералы, например, лазурит или бирюза. Наблюдается и пространственное перемещение утилитарных объектов, в частности, изящной художественной расписной керамики. В северной Месопотамии в VI тыс. до н.э. от 6 до 10% глиняной посуды доставлялось из более южных областей, где производилась керамика самаррского типа, отличавшаяся высоким качеством и большими художественными достоинствами. С развитием металлургии, особенно с внедрением в производство различного рода бронз, регулярный обмен становится необходимой составной частью самого производственного цикла. Появляются первые формы всеобщей эквивалентной стоимости — так называемые первобытные деньги, хорошо известные по материалам этнографии. Ими становились различные виды товаров, в частности раковины, а также утилитарные объекты. Последние для расчленения потребительской и меновой стоимости нередко подвергались нарочитым изменениям, в частности миниатюризации или, реже, гигантизму. Возможно, что ожерелья и браслеты из раковин, находимые в сосудах в Болгарии и Японии, представляют собой именно такие первобытные деньги, но в целом на материалах археологии этот вопрос слабо разработан. Необходимо поэтому уделять особое внимание древним металлургическим объектам, имеющим стандартный вес или нарочито уменьшенные размеры, что вполне может свидетельствовать об их использовании в качестве первобытных денег. Вместе с тем следует иметь в виду, что первобытные—

Казуальные факторы	Политикоэкономическая характеристика	Социальные и организационные формы
<p>ПЕРРАСТАНИЕ В ПЛАСТИЧЕСКОМ ФАКТОР</p> <p>ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР</p> <p>ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АНТИЦИПАЦИИ</p> <p>ТРАДИЦИОНАЛИЗМ</p> <p>ВЫЖИВЕНИЕ</p>	<p>T-D-T</p> <p>T-D-T (ПЕРВОБЫТНЫЕ ДЕНЬГИ)</p> <p>T-T</p>	<p>КЛАСС КУПЦОВ, ТОРГОВЫЕ ФАКТОРИИ, БАЗАРЫ В СИСТЕМЕ ПОСЕЛЕНИЙ</p> <p>ПРЕДМЕТНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ОБМЕН И ТОРГОВЛЯ, ТОРГОВЦЫ-ПОСРЕДНИКИ, ТРАДИЦИОННЫЕ РЫНКИ В ЗОНАХ МЕЖПЛЕМЕННЫХ КОНТАКТОВ</p> <p>ОБМЕН БЕСКОНТАКТНЫЙ, МНОГООС- ТУПЕНЧАТЫЙ, ОБЯДОВЫЙ, ПЕРВОБЫТ- НЫЕ ТОРЖИЩА</p>

Рис. 15. Обмен и торговля в древних обществах

деньги, в отличие от денег, появившихся в классовых обществах, особенно в монетной форме, не имели значения всеобщего средства обмена и вытеснили другие формы обмена.

Рассмотрение отдельных отраслей первобытной экономики как самостоятельных систем не снимает задач реконструкции всей экономической системы как сложного функционирующего целого. На это был направлен ряд разработок, получивших наименование палеоэкономических [Бибиков, 1969; Массон, 1970].

Если рассматривать общество как макросистему, то экономика представляет собой функциональную подсистему, питающий блок, преобразующий внешние природные ресурсы. Весьма важно иметь представление о количественных параметрах макросистемы, подлежащей обеспечению. С этой целью производятся разные палеодемографические расчеты, имеющие вероятностный характер. Соответствующие оценки производятся разными методами [Массон, 1980].

Наиболее надежным является подход, осуществляемый на основе археологической карты и идущей снизу вверх — от определения числа обитателей одного жилища до населения поселка, группы посетителей и изучаемого региона в целом. Используются также данные по аналогичным культурно-хозяйственным типам, известным по этнографическим материа-

лам. Так, для охотников—собирателей плотность населения на 100 кв.км оценивается в 1—7 человек, причем нижний предел характерен для групп архаического типа — бушменов и австралийцев. Для ранних земледельцев плотность оценивается в 1000 чел. на 100 кв. км. Крупные центры городского типа, особенно со скученной застройкой, дают высокие показатели — от 300 до 500 чел. на гектар.

Оптимальные пределы заселения экономической ниши могут дать расчеты биомассы; исходя из них определяются верхние пределы количества населения, которое могло бы прокормиться на данной территории при реконструируемом способе получения продуктов питания. Динамика численности населения может найти отражение и в количестве поселений. При этом учитывается коэффициент, образованный средним числом поселений на 1000 кв.км. Сравнение этого коэффициента за различные периоды дает фактор роста. Приведем пример подобных оценок. Так, в бывшем СССР сравнительно хорошо был изучен палеолит Молдавии, где для эпохи ашея можно говорить об обитании на территории в 20000 кв.км 10—12 локальных охотничьих групп. Им соответствовали 10—12 базовых лагерей в виде нещерных стойбищ, находившихся в окружении временных стоянок. При средней численности локальной группы в 25 человек общее число жителей может быть определено в 250—300 человек, или 1,2—1,5 чел./100 кв.км. Коэффициент этот, как мы видим, известен по этнографии для архаических охотников—собираетей. В верхнем палеолите соответственно можно говорить о 38 локальных группах, или о плотности населения в 3,7 чел./100 кв.км.

В эпоху палеолита природная зона Молдавии представляла собой холодные степи с островками и лентами древесной растительности. Расчет биомассы показывает, что для обеспечения питанием одной локальной группы была необходима охотничья территория в 400 кв.км. Таким образом, предлагаемые оценки палеолитического населения не выходят за пределы допустимого оптимума, но для эпохи верхнего палеолита, учитывая наличие также неплодородных угодий (скалы, водные пространства), подходят близко к нему. Наверное, это была одна из предпосылок наступившего вскоре кризиса верхнепалеолитической экономики.

Развернутую палеоэкономическую оценку представилось возможным дать для неоднократно упоминавшегося раннеземледельческого поселения Джейтун. При реконструкции питающего блока здесь было важно оценить объем необхо-

димых продуктов в сфере питания. Для этого были использованы нормативы Шумера, расположенного в близкой климатической зоне. Для мужчин эти нормы составляли 36 кг зерна в месяц, для женщин — 18 кг. Общее число обитателей полностью раскопанного поселения оценивается в 150—180 человек. При таких оценках, учитывая также посевное зерно и резервный фонд, потребности Джейтунского поселка в зерне определяются в 44 т. При урожайности, характерной для этой природной зоны, потребная посевная площадь составляет около 20 га. Показательно, что такие же размеры возделываемых угодий дали результаты палеогеографического обследования района Джейтуна. По нормам земледельческих работ древнего Шумера и по экспериментальным данным, оценивающим производительность работ кремневых орудий Джейтунского типа, необходимые трудовые затраты при лиманном земледелии, характерном для Джейтуна, для этих площадей составляют 2500 человеко-дней. При трудовых ресурсах Джейтунской общины (с учетом труда подростков) в 33000 трудодней совершенно ясна высокая эффективность данного способа получения продуктов питания.

Имеется много других примеров палеоэкономических оценок для характеристики тех или иных сторон функционирования древних обществ. Так, по расчетам американских исследователей, ольмекский храм в Ла Вента (Мезоамерика) строился с затратой 18000 человеко-дней. Однако остров, на котором расположен этот культовый центр, мог дать пропитание при системе подсечно-огневого земледелия, практиковавшегося у ольмсков, не более чем 30 семьям. Из этого следует, что постройка культового комплекса была результатом усилий многих общин, для которых он был идеологическим и, видимо, организационным центром.

Важным источником изучения общественных структур древних обществ являются жилища и поселения. Социологически жилище рассматривается как вычленение из природной среды с помощью домостроительной техники общественной единицы с обеспечением ее жизнедеятельности. Жилища, с учетом их размеров, внутренней организации и сведений о жизнедеятельности обитавшего в них коллектива, нашедших отражение в бытовом инвентаре и других остатках, позволяют судить о размерах древних общественных единиц, и, в известной мере, об их функциях. Исходной источниковедческой базой подобных оценок является реконструкция самого жилища, его параметров и устройства с учетом особенностей домостроительной техники.

Одной из важных проблем является оценка населенности жилищ. Американский исследователь Наролл, обобщив данные по 18 различным обществам, предложил коэффициент в 10 кв.м на одного обитателя. Эта излишне генерализованная оценка не учитывает природно-климатического фактора и культурно-хозяйственных типов, которые ставили различные задачи перед создателями жилищ. В равной мере уровень развития общества, его производственного потенциала позволял решать задачи лишь в рамках конкретных возможностей. Палеодемографические исследования обществ охотников и собирателей Калифорнии, живших в климатических условиях, близких к условиям проживания мезолитических племен Передней Азии, дают значительно более низкие показатели фактического наличия жилой площади на человека — в среднем от 1,8 и реже 4,5 кв.м до 6,3 кв.м.

Известен ряд конкретных разработок, позволяющих восстанавливать развитие общественных организмов на основании изучения жилищ. Так, на юге Средней Азии в VI—V тыс. до н.э. раннеземледельческие поселки состояли из однокомнатных домов с внутренним очагом, небольшим двориком и подсобными помещениями. Этот исходный блок был рассчитан на малую семью, бывшую молекулой общинных поселений. К концу IV тыс. до н.э. появляются многокомнатные дома, небольшое жилое помещение с отопительным очагом и примыкающей подсобной хозяйственной камеркой. Эти многокомнатные дома имели общий хозяйственный двор, общее зернохранилище и общую кухню, что позволяет рассматривать их как места обитания большесемейных общин, объединяющих несколько малых семей, ведущих общее хозяйство под одной крышей.

К концу III тыс. до н.э. с развитием протогородской цивилизации Алтын-Депе наблюдается дифференциация типов многокомнатных домов по размерам и качеству отделки, что отражало дифференциацию образа жизни в условиях развивающегося в обществе социального неравенства. Эта дифференциация полностью подтверждается разным уровнем благосостояния, отраженным в погребальном инвентаре коллективных гробниц, располагавшихся в комплексе с разными типами многокомнатных домов.

Следующая за жилищем структурная единица — поселение — четко отражает качественно новые черты иерархических подразделений. Его особенности не сводятся только к сумме жилищ. Важными элементами поселений как более высокой культурной единицы являются укрепления, святилища —

ща или места общих собраний, производственные центры.

Советские исследователи уже в 30—е гг. уделяли большое внимание изучению поселений как комплексов, наиболее полно отражающих общественные структуры. В частности, были достигнуты значительные успехи в исследовании верхнепалеолитических стоябищ и раннеземледельческих поселений трипольской культуры на Украине. В 60—е и 70—е гг. пристальное внимание изучению поселений как по данным этнографии, так и археологии стали уделять и американские исследователи, в среде которых даже сложился специальный термин «поселенческая археология» (*settlement archaeology*).

Под поселением понимается территория, где члены общины живут и осуществляют в течение определенного отрезка времени свои социальные функции. Определение длительности обитания является важным критерием отнесения того или иного памятника к числу поселений. Исходя из этого, под поселением, сохранившимся в музейной выборке, доступной археологии, следует понимать археологический комплекс на территории, служившей местом обитания человеческого коллектива в течение более чем одного сезона, что нашло отражение в мощности культурных напластований в пределах одного стратиграфического слоя и остатках строений. Критерии мощности, разумеется, будут варьировать в зависимости от различных культурно-хозяйственных типов и применявшейся в этой среде домостроительной техники. Для глинобитных строений Ближнего Востока и Средней Азии мощность одного строительного горизонта у рядовой архитектуры обычно составляет 50—60 см. Взаимная организация нескольких поселений образует макросистему, или — для аридной зоны с искусственным орошением — оазис.

Число конкретных социологических разработок, осуществленных на материалах поселений, весьма велико. Так, опираясь на этнографическую модель для палеолитических стоябищ, была предложена трехчленная иерархия: базовое стоябище, временное стоябище («пункт разделки мяса») и промежуточная стоянка. Базовый лагерь характеризуется насыщенным культурным слоем, содержащим, по подсчетам американских исследователей, до 500 неопределенных обломков костей на 1 куб.м, наличием очагов и других свидетельств интенсивной жизнедеятельности. Обычно это открытые, светлые пещеры, как, например, мустьерский Тешик-Таш в Средней Азии или ашельский Лазаре на юге Франции. На временном стоябище очаги отсутствуют, количество неопределяемых обломков костей по упомянутым оценкам около 100

на 1 куб.м. Этнографические материалы свидетельствуют о наличии устойчивых размеров территории, занятой поселками охотников и собирателей. Так, в Америке стойбище локальной группы, насчитывающей 20—30 человек, имело площадь в 200—300 кв.м. Локальные группы бушменов соответственно занимали в среднем площадь 400 кв.м. Поселки неолитических охотников лесной зоны Евразии обычно занимали площадь в 500—1500 кв.м.

Особый путь сравнительно интенсивной эволюции отражают раннеземледельческие поселения. Уже на раннем этапе их центр нередко образовывали святилища, отличающиеся от жилых домов не планировкой, а более значительными размерами и убранством интерьера, где нередко представлены фрески (Чатал Хююк в Малой Азии, Песседжик—Депе в Средней Азии). В зонах высокой плотности разнокультурного населения рано появляются укрепления. Они представляют собой образцы первобытной фортификации, не имеющие, в отличие от фортификации классовых обществ, строгих архитектурных канонов. Формирование крупных населенных центров ведет к сложению иерархической структуры поселений, отражающей усложняющуюся структуру древнего общества. Развитие в крупных центрах специфических функций — ремесленной, торговой, идеологического лидерства — ведет к превращению их в городские центры. Культурные комплексы, приобретающие в отличие от первобытных святилищ черты монументальности (что позволяет именовать их храмами) составляют характерную морфологическую черту первых городов. Собственно говоря, с них начинается развитие высокой архитектуры как специфической черты городских центров.

Большие возможности для исторических реконструкций открывает изучение групп поселений как целой макросистемы, позволяющей судить о значительных по размерам общественных и даже, как надеются исследователи, политических структур. Так, для многих раннеземледельческих обществ система оазиса с крупным центром и мелкими поселками по периферии является наиболее обычной. Осуществлен целый ряд разработок с целью установления более строгих закономерностей в системе расселения. При этом использовались идеи, заложенные в схеме В.Кристаллера, выработанной для идеально равнинных условий, когда пространство разбивалось на гексагональные поля тяготения, где центральное место занимал пункт, обладающий в числе прочих функций центрального торгового места. Эти идеи прилагались к древ-

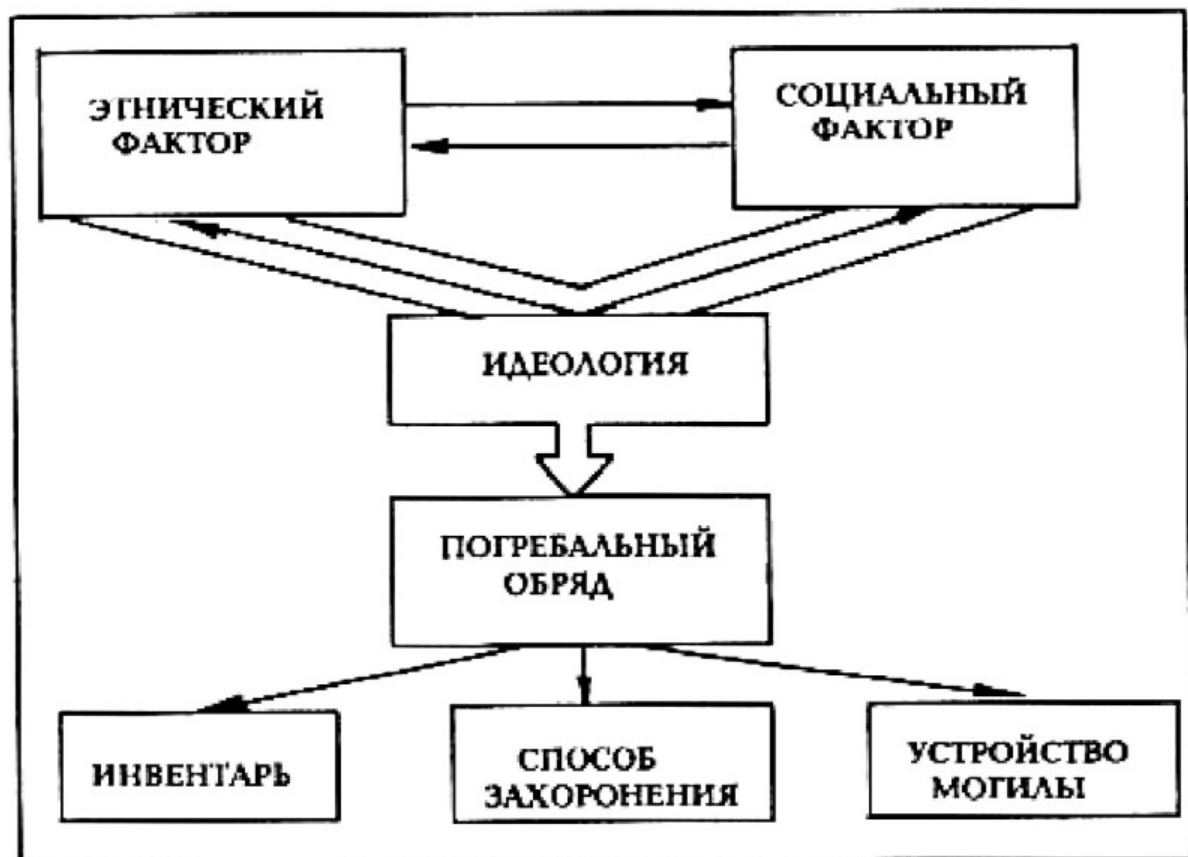

Рис. 17. Отражение различных факторов в погребальном обряде

немесопотамским поселениям [Adams, 1972; Массон, 1974], где наместились устойчивые показатели для расстояний между поселениями разного ранга, что связано, скорее всего, с транспортными возможностями. Значение торговых и транспортных связей для урбанизированных обществ вполне понятно, хотя первые не следует преувеличивать, что так любят делать американские исследователи. Однако в конкретных условиях Месопотамии, не являющейся «идеальной равниной», для типов расселения определяющую роль играют водные артерии, как естественные, так и искусственные, что ведет к линейной форме размещения населенных центров. Разработки, предпринятые на материалах Средней Азии для маргианских поселений эпохи бронзы [Масимов, 1980] и более поздних памятников ташкентского оазиса [Буряков, 1986; Рис. 16], в целом подтвердили эту тенденцию. При наличии подробных археологических карт методы пространственного анализа могут дать интересные результаты, но, разумеется, особенности, присущие урбанизированным обществам, будут иными, чем на более архаической ступени развития. На ма-

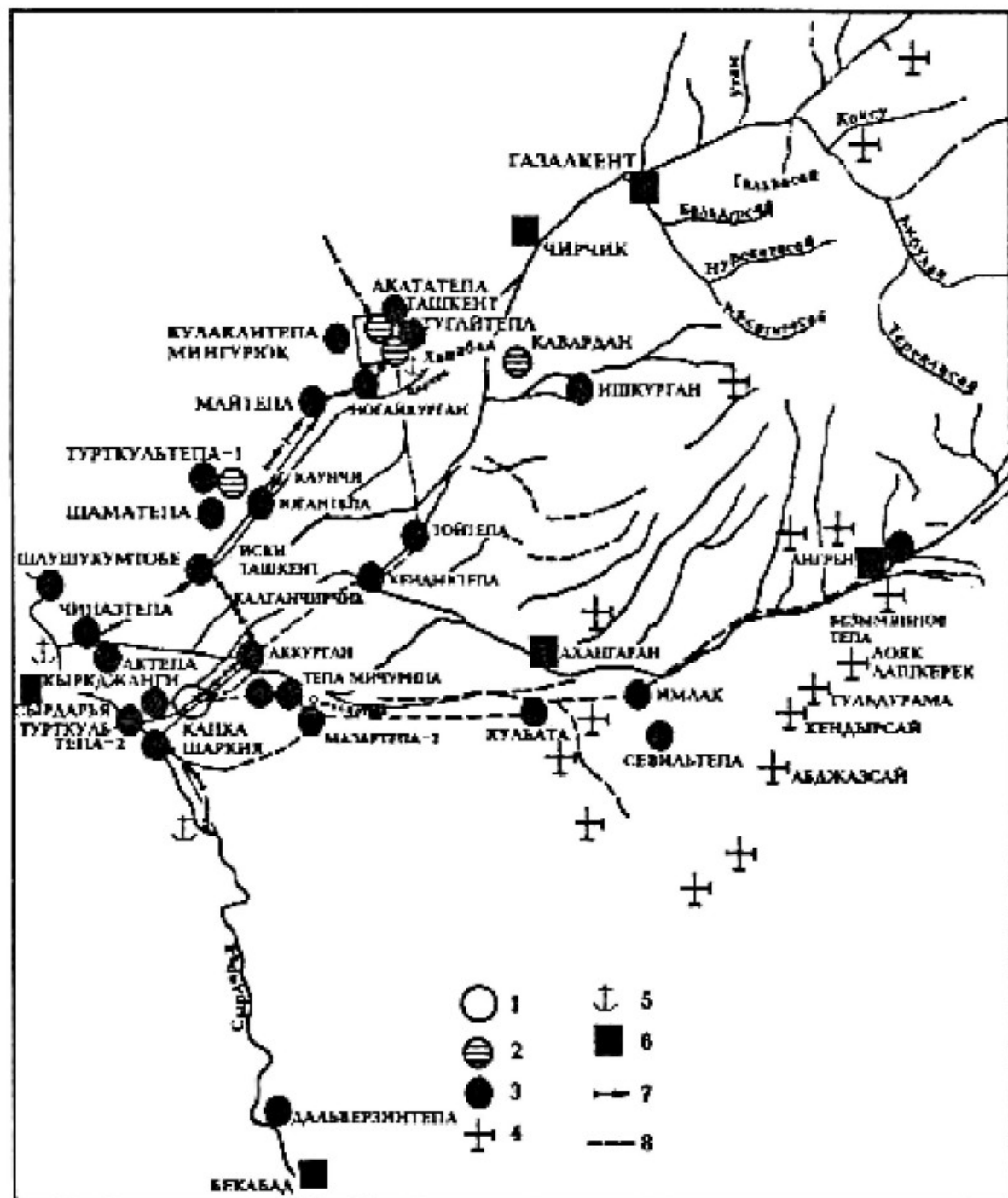

Рис. 16. Система расселения в раннесредневековом Чаче. 1 — крупный город; 2 — средний город; 3 — малый город; 4 — рудник; 5 — переправа; 6 — современный город; 7 — транзитный путь; 8 — внутренний путь (По Ю.Ф.Бурякову)

териалах трипольских памятников намечается кустовая система расселения, близкая оазисам Средней Азии [Массон, 1980].

Важнейшим источником для изучения древних общественных структур являются погребения и могильники. Для определения информационных возможностей этого источника и установления строгой процедуры исследования необходимо четко представить прохождение информационного потока (Рис. 17). Два важнейших фактора — культурные (или этнические) традиции и общественная сфера — через блок идеологических представлений воздействуют на сложение погребальных обрядов. От последних в археологической практике сохраняются такие вещественные явления, как способ погребения, могильное устройство, погребальный инвентарь, а также остатки тризн и жертвоприношений. Идеологический блок играет здесь исключительно важную роль. Нередко социальные явления, уже имеющиеся в обществе, не находят отражения в погребальных обрядах в силу инертности и консервативности идеологии. Например, лишь в отдельных культурных общностях в пору отделения ремесла от земледелия представлены погребения мастеров с их инструментарием, хотя в жизненной практике такая связь, бесспорно, устанавливается в этот период. Богатство информации, содержащейся в погребальном обряде, позволяет при более развернутом рассмотрении говорить о наличии шести информационных блоков [Алексин, 1986].

Так же как при использовании жилищ для социологических заключений предварительным условием является реконструкция соответствующих сооружений, при привлечении для социологической интерпретации данных погребений предварительным условием является детальное восстановление погребального обряда. Далее могут быть использованы различные варианты типологии и классификационных схем, где подбор признаков (размеры погребальных сооружений, количественная оценка инвентаря, его качественная характеристика, учитывающая наличие уникальных объектов) осуществляется с учетом поставленных задач. От постановки задач может зависеть выбор методики исследования могильника в полевых условиях.

При изучении древних погребений и могильников могут быть получены данные как об организации общества, так и о его социальной стратификации. Данный вид археологических источников может содержать информацию о таких исторических общностях людей, как семья, род, племя, больше-

семейная община, и в известной мере о патрилокальности и матрилокальности брака. Для извлечения соответствующей информации исследуются целые могильники, коллективные гробницы и парные захоронения. Появление кладбища как особой территории, предназначенной для неоднократных захоронений, восходит к мустьерской эпохе (Мутарет эс — Схул в Палестине). Для неолита известны кладбища из 120—180 могил. Палеодемографические расчеты показывают, что такие некрополи принадлежали коллективам, включавшим 40—50 взрослых членов. Весьма ранней, видимо, также палеолитической оказывается и традиция коллективных захоронений. В позднем энеолите Средней Азии появление в конце IV тыс. до н.э. коллективных гробниц совпадает с формированием многокомнатных домов как места обитания больших семейных общин. Видимо, в данном конкретном случае коллективные гробницы являются усыпальницами этих общественных подразделений.

Большая часть литературы посвящена парным погребениям мужчин и женщин. Детальными исследованиями некрополей степной бронзы (Тасты—Бутак в Западном Казахстане, Кокча III в Хорезме) установлено, что эти захоронения являются неодновременными. Они явно свидетельствуют о возрастающей роли малой семьи, утверждающей свою экономическую, а через погребальный обряд и идеологическую самостоятельность.

Весьма обширны разработки вопросов социальной и имущественной дифференциации общества по данным захоронений. Наиболее надежные результаты здесь удастся получить при корреляции нескольких пучков признаков, например, погребального обряда, устройства гробницы и инвентаря. Так, в скотоводческих культурах Закавказья II тыс. до н.э. по этим трем параметрам выделяется несколько социальных групп, причем в гробницах высокого ранга представлена кремация, а в других — ингумация. Показательна типологическая дифференциация нескольких групп даже в рамках гробниц высшего ранга. Это, надо полагать, отражает иерархию в среде аристократии, свойственную архаическим обществам, находящимся на заключительных этапах развития первобытной формации.

Общество этой эпохи представляло собой сложный социальный организм, хотя внутренние противоречия еще не достигли степени непримиримости, типичной для классовой формации. Характерно постепенное изменение показательной дифференциации в наборе помещаемых в могилы предметов.

Первоначально разница проявляется лишь в количественном соотношении однотипных артефактов. С углублением социальной дифференциации налицо качественные различия в составе объектов, появление в гробницах лиц высокого ранга престижных объектов (булавы, скипетры), уникальных и высокохудожественных предметов. Постепенно экстраординарной чертой обрядов, образующих вершину иерархической пирамиды, становятся захоронения, сопровождающие основное погребение, причем нередко с признаками насильственной смерти. Эта тенденция достигает разнузданного максимализма в так называемых царских гробницах, будь это могилы в шумерском Уре, китайском Аньяне, в Скифии или Мезоамерике.

Исследование погребений с разнообразным инвентарем открывает большие возможности для типологической систематики, но на объяснительном уровне представляет наибольшую сложность. Термин «царское погребение» нередко употребляется с излишней щедростью. Если говорить об определении понятия в рамках социологической археологии, то «царскими» следует называть погребения лиц, занимающих высшее положение в социальной структуре древнего общества, характеризующиеся наличием богатого инвентаря, массовых человеческих жертвоприношений и монументальных погребальных сооружений с учетом технических традиций различных конкретных обществ. На уровне исторической интерпретации ранг усопшего лица может характеризоваться конкретными терминами, если они установлены для данного общества. Так, в урских гробницах обнаружены печати с титулами «луталь», который прилагался к правителям со значительной полнотой власти, вероятно, военной. Недавно найденное в Аньяне богатейшее погребение Фу Хоа (со всеми тремя компонентами, указанными выше) по прочитанному титулу принадлежит «госпоже», как предполагается, жене правителя, получившей после смерти новое имя.

Весьма сложен вопрос о критериях богатства. Особое значение обычно придается излишеству и характеру металлических изделий, при этом весьма важным считается учет уникальных предметов. На этой основе в конкретных археологических общностях, соответствующих древним обществам, выделяются бедные, стандартные и богатые захоронения [Алексин, 1986]. Уникальные предметы, особенно престижно-знаковой сферы, составляют как раз характерную особенность погребений лиц высокого ранга, условно именуемых в социологической археологии «царскими».

Наряду с восстановлением различных социальных структур древних обществ археологические материалы открывают значительные возможности для воссоздания их более целостной картины. В этом отношении одним из перспективных направлений представляется разработка концепции ранних комплексных обществ. Господствующий долгое время в отечественном обществоведении формационный эволюционизм вел в крайних формах к своего рода мистическому детерминизму и приводил к ограничению живого исторического процесса прокрустовым ложем довольно ограниченной понятийной системы. В этом отношении показательна дилемма: первобытный строй — классовое общество, когда значительные этапы первого характеризовались как некое «разложение» с психологическим приматом негативной характеристики. Вместе с тем эти этапы, а в Евразии это в основном V—II тыс. до н.э., характеризуются образованием высокого культурного и интеллектуального потенциала, который не мог быть достигнут без развития соответствующих общественных структур. Здесь в свете современных разработок особенно важно понятие «ранние комплексные общества». Эти общества характеризуются усложнением структур в социальной и экономической сфере с заметным отличием от примитивной хозяйственной автаркии; социальной иерархией, в которой общественный статус устанавливается принадлежностью с рождения к определенной страте; повышением интеграционной роли разного рода центров, в том числе в политическом плане — вождя-лидера. Вместе с тем размытость социальных страт, еще недостаточно закрепленных имущественным статусом, характерных для классов первых цивилизаций и государств, делала ранние комплексные общества неустойчивыми образованиями. В их судьбе диалектически переплетались взлеты и падения, прогресс и регресс, консолидация и дезинтеграция. Следует также учитывать, что в этих обществах, в отличие от первых цивилизаций и государств, отсутствовала постоянная централизованная бюрократическая машина, служившая фактором политической и, в известном смысле, социально-экономической стабильности. В археологических материалах ярким признаком ранних комплексных обществ являются свидетельства крупномасштабной организованной деятельности, выраженной в создании больших поселений с регулярной планировкой, монументальных культовых центров и экстраординарных погребальных комплексов (Рис. 18). Таковы, например, гигантские суперцентры Триполья,

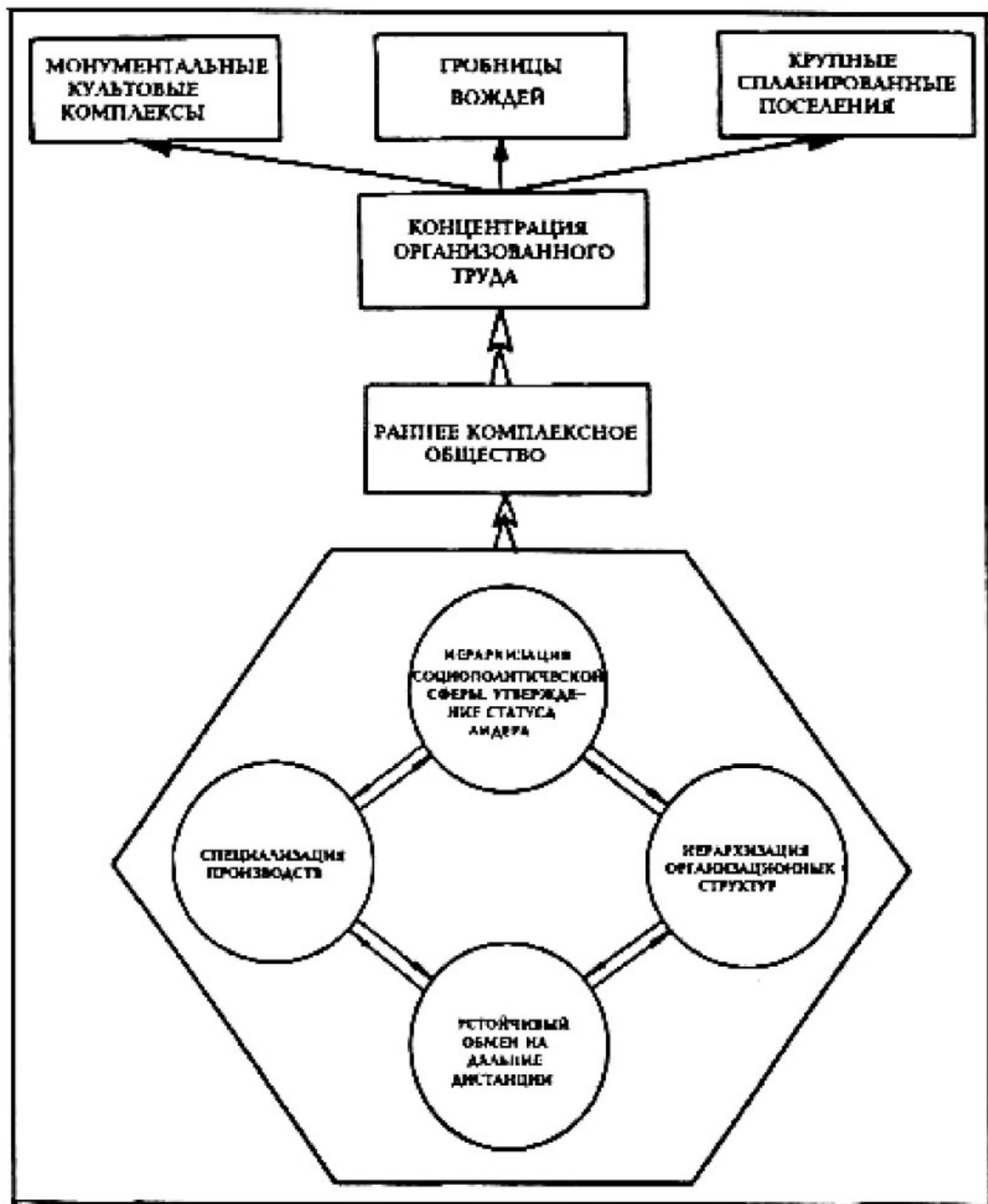

Рис. 18. Движущие силы и специфические признаки ранних комплексных обществ

Стоунхендж и храмы Мальны, гробницы Майкопской культуры.

Могут быть отмечены различные пути развития ранних комплексных обществ. Здесь ярко выступают два генеральных направления — урбанистический и неурбанистический пути развития. Первые цивилизации от Южного Двуречья до южнотуркменского Алтын—Деле являются классическим примером урбанистического пути развития, эффективность которого несомненна. Неурбанистический путь развития представлен в Старом Свете двумя вариантами — оседлоземледельческим и степным. Первый вариант прекрасно иллюстрирует раннеземледельческие общества Балкан, к типу которых относится и трипольское общество. При высоких культурных достижениях на начальных этапах этот Балканский путь в конечном итоге привел к стагнации, а затем и к коренной трансформации. В этом определенную роль сыграла ограниченность функций поселений, в которых преобладала функция центра сельскохозяйственной округи без интенсификации других урбанистических формопроявлений, например, идеологического лидерства. В конкретных условиях раннеземледельческих культур Балкан и прилегающих областей определенную роль сыграл и архаизм производственного комплекса, в котором, несмотря на знакомство с металлом, огромную роль играли орудия из кремня, кости и рога. Эффективность самого производства этих орудий во многом уступала производству массовых серий изделий из металла, особенно изготавливаемых путем литья. Экстенсивный характер земледелия с его обширными, потенциально подлежащими освоению новыми угодьями также не стимулировал исторический прогресс. Слабо была развита и военная функция, что замедляло обособление власти вождя—лидера через военно—аристократический путь политогенеза. Все это позволяет объяснить развитие общества балканского типа как неурбанистических ранних комплексных обществ и показывает малую перспективность трактовки, например, трипольской культуры как протогородской цивилизации.

Степной путь развития особенно ярко проявился в зоне степной Азии во II тыс. до н.э. Возможно, уже общество древнеямного времени, если подтвердятся наблюдения о его социальной стратификации, можно рассматривать как ранне—комплексное общество архаической фазы развития. В середине II тыс. до н.э. в степной зоне повсеместно наблюдается резкое усиление военной функции, выделение страты воинов—колесничих. Показательно и появление памятников чет—

кой планировки, как, например, Аркаим, циркульные очерта — ния которого явно являются результатом целенаправленной организованной деятельности.

При рассмотрении конкретных материалов, характеризую — щих ранние комплексные общества, на первый план высту — пают два явления: свидетельства организованного массового труда и данные о наличии власти вождя — лидера. Палеозко — номические оценки оставленных этими обществами памятни — ков не оставляют сомнений, что к их сооружению были привлечены значительные контингенты работников. Англий — ские исследователи подробно восстановили этапы сооруже — ния гигантского комплекса Стоунхэнджа. По их расчетам, на завершающей стадии, когда и был создан собственно тот комплекс, который и дошел до наших дней, потребовались усилия в обучении свыше 30 миллионов человеко — часов. В широких масштабах был использован человеческий труд при устройстве трипольских суперцентров, которые отличают не только размеры, но и четкая циркульная или овальная пла — нировка. Так, на поселении Майданецкое, детально исследо — ванном геофизическими методами с контрольными раскоп — ками, выявлено, что на пространстве в 30 га 15000 крупных домов располагались четырьмя правильными эллипсами. Чет — кая организация труда, архитектурное планирование и стро — гий контроль были безусловной необходимостью при созда — нии этих феноменов. В условиях ранних комплексных об — ществ это было функцией центральной власти вождя — лиде — ра, опирающегося на традиционные структуры общинного или племенного самоуправления. Социальная власть, или со — циальная сила (social power), была важнейшим условием об — щественного прогресса. Проблема выделения лидера, причем не просто вожака охотничьей стаи, а персонажа, выполняю — щего различные функции, присущие именно человеческому социуму, с нашей точки зрения восходит по меньшей мере к верхнепалеолитической эпохе. При ранних формах управ — ления отсутствовал институт формального лидерства. У арха — ических охотников — собирателей во главе группы (общины) часто стоял старший из трудоспособных мужчин. В его сфе — ру входило решение вопросов о времени начала охоты или рыбной ловли, о выборе места для стойбища и другие во — просы, тесно связанные в первую очередь с организацион — но — хозяйственными функциями.

Весьма рано стала играть заметную роль и функция идеологического лидерства, руководства образом жизни. Иногда в связи с большой ролью искусства в системе риту —

алов руководство этой формой общественной деятельности возлагалось на одаренных художников и скульпторов. Сложная и многообразная деятельность, характерная для верхнепалеолитического общества, создавала все предпосылки для становления и закрепления статуса лидера. Великолепные пещерные комплексы франко-кантабрийской зоны являлись своего рода верхнепалеолитическими святилищами и выполняли функцию идеологической интеграции для дисперсно разнообразного населения. Все это косвенным образом указывает на результативность деятельности верхнепалеолитических лидеров, осуществлявших и функции идеологического руководства. Вероятно, таланты живописца играли определенную роль при выдвижении руководящих персон, и, кто знает, не является ли знаменитая фигура шамана на фреске в пещере Трех братьев не только авторской работой, но и автопортретом. В этой связи нельзя не вспомнить знаменитое погребение мужчины в Сунгире, где мужчина весьма почтенного для палеолита возраста (55–65 лет) был погребен в богато расшитых одежде, головном уборе и обуви.

В ранних комплексных обществах фигура вождя-лидера все более отчетливо приобретает полифункциональность. Теперь именно эта фигура олицетворяет социальную силу в самых различных сферах жизнедеятельности. Весьма показателен состав погребального инвентаря в одной из неразграбленных гробниц майкопской культуры, которая по всем признакам была создана ранним комплексным обществом, развивавшимся по неурбанистическому пути. Отметим, что самый крупный Серебряный курган имел насыпь диаметром в 110 м. В гробнице кургана 31 этого могильника найдены инструменты, связанные с металлургией и, в частности, с ювелирным делом, предметы вооружения и культовые объекты. В.С. Бочкарев справедливо отметил, что это отражение полифункциональности руководящей роли погребенного лица, осуществлявшего лидерство в военной области, в производстве и в культово-обрядовых действиях. Предметы, связанные с металлургическим производством, обнаружены и в ряде гробниц знати степной зоны середины II тыс. до н.э. Это отнюдь не означает, что погребенные с достаточной пышностью войны-колесничие лично раздували металлургические горны. Данные объекты лишь символизировали широкий спектр лидерства этой военной аристократии.

Следует отметить, что наряду с понятием раннее «комплексное общество» широко употребляется термин «чифдом», или «вождество», как русскоязычный аналог. Отдавая пред-

почтение первому понятию, я считаю его более широким, где термин чифдом отражает лишь одну, политическую сторону складывающейся ситуации. Ранние комплексы общества, возникавшие и распадавшиеся на заключительных этапах первобытной формации, были ее наивысшим достижением в общественном развитии и логическим предшественником собственно государственных структур.

В заключение этого раздела остановимся на одной из сложных проблем реконструкции древних идеологических систем. Эта тематика манит многих исследователей. В частности, в российской археологии довольно устойчиво держится своего рода мода на прямолинейное использование интерпретации археологических материалов, данных об индоиранской мифологии и авестийских текстов.

Идеология представляет собой совокупность идей и взглядов, отражающих в теоретической, более или менее систематизированной, форме, отношение людей к окружающей действительности и друг к другу и служащих закреплению или изменению и развитию общественных отношений. Идеология выступает в форме политических, религиозных, этнических, эстетических и философских взглядов и концепций. Социальную активность она приобретает через посредство психологии, обеспечивающей целенаправленную деятельность отдельных индивидов и целых коллективов. Идеологические системы, возникнув под влиянием конкретных факторов, обладают вместе с тем относительной самостоятельностью, проявляющейся в обратном воздействии на политические и социальные структуры.

Для древних эпох характерна нерасчлененность форм общественного сознания, среди которых важнейшую роль играли религиозные представления. Древние религии составляли определяющий блок идеологической системы, выполняя мировоззренческую, регулятивную и религиозно-компенсаторную функции. Зачастую религиозные воззрения играют большую роль в национальной самоидентификации, этнические и субэтнические группы приобретают порой этноконфессиональные черты. Религиозные нормы в значительной степени определяют функционирование соционормативной системы всего блока культуры. В религиозном комплексе исследователи выделяют три составных элемента: религиозные представления (идеология), настроения и чувства (психология) и религиозные действия (культ). Консервативность, присущая идеологии как таковой, с особой силой проявляется именно в об-

рядовой стороне, материализуясь в специализированных сооружениях и наборах вещей.

Реконструкция древних идеологических систем по материальным остаткам является одним из сложных вопросов археологии. Известно едкое замечание Гордона Чайлда, крупнейшего археолога XX столетия, о том что, если археологу что-либо непонятно, он объявляет это культовым. При выяснении информационных возможностей источника следует иметь в виду, что в распоряжении археологов в первую очередь оказываются объекты, связанные с культовообрядовой практикой. Огонь, возлагаемый на алтаре, как правило, нейтрален к именам божеств, в честь которых курился фимиам. Поэтому при исторической интерпретации важно использовать сигнификативную функцию культуры, воплощенную через символику и знаковую систему (священные эмблемы, атрибуты божеств и т.п.) как устойчивые и повторяющиеся наборы. Большое значение имеет анализ художественных, особенно сюжетных произведений, поскольку в данном случае реализуется художественная форма хранения и передачи информации, игравшая огромную роль наряду с устными и письменными формами.

В качестве примера возможной интерпретации данных о древних религиозных системах можно взять культуру Средней Азии I—V вв. н.э. Обрядовую практику этой эпохи характеризуют терракоты, изображающие преимущественно женщин, домашние святилища со специальными сооружениями алтарного типа (нишки, очаги), подставки-курильницы, монументальные храмовые постройки с четкими свидетельствами культа огня. Особое отношение к священному огню отмечено устройством в монументальных храмах ям-колодцев, а в домашних святилищах — небольших ямок-углублений для хранения пепла. Формируется специфический погребальный обряд с захоронением в специальных строениях костей, очищенных от мягких частей тела (Бактрия), нередко с использованием специальных костехранилищ-оссуариев (Хорезм, Маргиана).

Из других наборов артефактов наиболее четкому объяснению поддается набор объектов (от монументальной архитектуры до терракотовых и каменных образков), связанных с буддийскими материализованными канонами. Он представлен прежде всего в Бактрии, где входит составным элементом в кушанский комплекс. Сложнее дело обстоит с объяснением набора артефактов, связанных с культом огня и особым погребальным обрядом. Перед нами явно устойчивая идеологи-

ческая макросистема, охватывающая всю Среднюю Азию. Собственные имена обитателей древней Средней Азии и бытовавшие здесь календарные системы, известные по архивам Нисы, Топрак-калы и старым согдийским письмам, свидетельствуют о связи с зороастризмом, включая обширный пласт, восходящий к еще более древней восточно-иранской традиции. Это позволяет рассматривать древнюю среднеазиатскую идеологическую макросистему как локальный вариант зороастризма.

Набор типов артефактов, характеризующий культовую обрядность Средней Азии V — начала VIII вв. н.э., становится более устойчивым и в ряде отношений стандартизированным. Таковы прежде всего устойчивый тип святилищ огня, смонтированных в замковые, дворцовые и крупный жилой комплекс, а также оссуарный обряд погребений, оставивший превосходные произведения художественного ремесла. Согдийские тексты поры раннего средневековья убедительно показывают сохранение восточно-иранских традиций в массовом сознании. Есть основания считать религиозную макросистему этого времени, наиболее полно изученную в Согде, среднеазиатским вариантом зороастризма с огромной ролью культа огня (храмы огня арабских авторов). Анализ иконографических сюжетов согдийской живописи также указывает на тесную связь практикуемой обрядности и символики с представлениями зороастрийского круга. Вместе с тем иконографические каноны и набор атрибутов при воспроизводимых божествах заметно варьируют. Здесь налицо воздействие инокультурной иконографии, особенно индийской. Политизм был одной из характерных черт идеологических систем раннесредневековой Средней Азии, стоявших вне рамок зороастрийской ортодоксии сасанидского Ирана. Зороастрийская идеологическая система в согдийском культурном комплексе в чем-то придает этому комплексу даже этноконфессиональные черты.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамян Э.Г. Инновация и стереотипизация в процессах развития этнической культуры // Методические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

Алексин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.

Арутюнов С.А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

Арутюнов С.А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

Бибииков С.М. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеометалла // СА. 1969. № 4.

Бочкарев В.С. Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья: Автореф. дис. канд.ист. наук. Л., 1973.

Бочкарев В.С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в исторической перспективе. СПб., 1991.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Буряков Ю.Ф. К динамике становления и развития городской жизни Ташкентского оазиса // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986.

Викторова В.Д. Научный поиск в археологии. Свердловск, 1989.

Гагжиев М.Г. Раннеземледельческие культуры Северо-Восточного Кавказа. М., 1991.

Гарден Ж.К. Теоретическая археология. М., 1983.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982.

Генинг В.Ф. Предмет и объект науки в археологии. Киев, 1983.

Генинг В.Ф. Структура археологического познания. Проблемы социально-исторического исследования. Киев, 1989.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Тр. XV археологического съезда в Киеве. М., 1901.

Грязнов М.П. Графический метод вычисления нормальной кривой вариационного ряда // Антропологический журнал. 1933. №1—2.

Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов, 1979.

Джонсон Г.А. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений. Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986.

Захарук Ю.Н. Методологические проблемы археологической науки: Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1981.

Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М., 1969.

Злобин М.С. Культура и общественный прогресс. М., 1983.

Изучение памятников морской археологии. СПб., 1993.

Каменецкий И.С. Археологическая культура — ее определения и интерпретация. // СА. 1970. № 2.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М., 1975.

Классификация в археологии. Терминологический словарь—справочник. М., 1990.

Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

Ковалевская В.Б., J.C. Gardin. Une archéologie théorique: Ред. // СА. 1983. № 3.

Ковалевская В.Б. Центр анализа археологических источников во Франции // Статистико—комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Колчин Б.А. Интеграция наук и археология // Ленинские идеи в изучении первобытного общества рабства и феодализма. М., 1970.

Коробкова Г.Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии // СА. 1975. № 3.

Коробкова Г.Ф. Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии // КСИА. Вып. 152. 1973.

Краснов Ю.А. Археологическая служба Института археологии АН СССР на постройках // КСИА. Вып. 169. 1980.

Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983.

Культурный прогресс: философские проблемы. М., 1984.

Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход // Системные исследования. М., 1981.

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1980.

Марков Г.Е. Структура и исторические типы образа жизни

// Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

Масимов И.С. Типологический и пространственный анализ древних поселений // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ: Тез. Ашхабад, 1980.

Массон В.М. Развитие теоретических основ советской археологии // Теоретические основы советской археологии. Тез. докл. Л., 1969.

Массон В.М. Экономические предпосылки сложения ранне-сакского общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

Массон В.М. Археология за бортом гуманитарии // Тез. докл. на сессии посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Массон В.М. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности. Л., 1976а.

Массон В.М. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология: поиски и находки. Киев, 1980.

Массон В.М. Алтын-Депе. Л., 1981

Массон В.М. Археологические работы на новостройках и изучение древних культур // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.

Массон В.М. Всемирный археологический конгресс // ВИ. 1987. № 10.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.

Массон В.М. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.

Массон В.М., Бочкарев В.С. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // КСИА. Вып. 152. 1978.

Массон М.Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узколинейной городской железной дороги // Изв. Средазкомстатриса. Вып. 1. 1926.

Матюхин А.Е. О проблемах становления человека и общества // СА. 1985. № 3.

Меженцев В.М. Культура и история. М., 1977.

Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983.

Новые исследования на поселении Джейтун. Предварительные сообщения о работах советско-английской экспедиции. Ашхабад, 1992.

Новые методы археологических исследований. Киев, 1982.

Пряхин А.Д. История советской археологии. Воронеж, 1986.

Рыбаков Б.А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

Рыбаков Б.А. Историзм археологии // КСИА. Вып. 152. 1978.

Семенов С.А. Первобытная техника. М., 1958.

Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982.

Трифонов В.А., J.C. Gardin. Archaeological constructs: Рец. // СА. 1983. № 3.

Федоров-Давыдов Т.А. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА. 1970. № 3.

Энеолит СССР: Ред. В.М.Массон, Н.Я.Мерперт. М., 1982.

Adams R.Mc. Land behind Baghlad. A history of settlements on Diala plains. Chicago-London, 1972.

Archaeological theory in the Europe. The last three decades. London-New York, 1991.

Binford S., Binford L. New perspectives in archaeology. Chicago, 1968.

Bordes F. Typologie de paleolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.

Clarke D.A. Analytical archaeology. London, 1968.

Galley A. L'archeologie demain. Paris, 1986; Рец.: Долуханов П.М. Археологические вести № 2. СПб., 1993.

Renfrew C. Approaches to social archaeology. Edinburgh, 1984.

Renfrew C. Archaeology and language. London, 1987. Рец.: Masson V.M. // Slovenska archaeology. 1991. R. 39, N 1-2.

Renfrew C., Bohn P. Archaeology. London, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Предмет и объект археологии и вопросы процедуры археологических исследований.	4
2. Культурологическая интерпретация археологических материалов	30
3. Социологическая интерпретация археологических материалов	70
Литература	98

Вадим Михайлович Массон

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ
Изд. 2-ое, дополненное.

Главный редактор Л.И.Бордунова
Редактор М.Д.Лозанская
Компьютерный набор М.В.Борисов
Обложка Д.С.Агапов

Лицензия N 020066, выданная Министерством печати и
массовой информации РСФСР 03.10.93. Подписано в печать
23.04.96 Формат 60*84 1/16. Объем усл. кр.—отт. 6.37. Тираж 1000 экз.
Печать офсетная. Бумага типографская. С. 5678.

Заказ № 981.

Издательство Самарского государственного педагогического
университета (Изд-во СамГПУ): 443099, Самара,
ул. М.Горького, 65/67
АО "Производственное объединение СамВен": 443099, Самара,
ул. Венцека, 60.